

ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА

ВОЛЖСКИЙ РУБЕЖ

Дмитрий Агалаков

Во славу Отечества

Дмитрий Агалаков

Волжский рубеж

«ВЕЧЕ»

2013

Агалаков Д. В.

Волжский рубеж / Д. В. Агалаков — «ВЕЧЕ», 2013 — (Во славу Отечества)

ISBN 978-5-4444-8421-0

Петр Владимирович Алабин (1824–1896) – русский государственный и общественный деятель, военный писатель и журналист, действительный статский советник, почетный гражданин Вятки, Самары и Софии. Он был участником и летописцем четырех войн своего времени: Венгерской кампании 1849 года; Дунайской кампании 1853 года, прошел всю Крымскую войну, участвовал в знаменитом и трагическом Инкерманском побоище, обернувшемся для России чудовищной катастрофой. В 1877–1878 годах Алабин оказался в Болгарии, во время освободительной войны с Турцией, где князем Черкасским был поставлен губернатором Софии (первым в ее истории после 500-летнего турецкого ига). Именно он при великих князьях Романовых вручал болгарской народной армии Самарское знамя, сшитое монахинями Иверского монастыря. Но главным делом его жизни стала Самара. Именно при нем она расцвела и стала крупным волжским городом – настоящим рубежом Отечества. Алабин строил город буквально своими руками и был самым знаменитым городским головой Самары.

ISBN 978-5-4444-8421-0

© Агалаков Д. В., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	10
3	14
4	18
5	20
6	22
7	27
8	30
9	36
Глава вторая	38
1	38
2	41
3	46
4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Агалаков

Волжский рубеж

© Агалаков Д.В., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

Сайт издательства www.veche.ru

Глава первая Балканы и Крым

«...Солдаты русские и без особых объяснений ротных командиров могли понять, что такую уйму земли, как в России, могли добыть с бою только войска, которые непобедимы. География учила их истории и вере в себя...»

Сергей Сергеев-Ценский. Севастопольская страда

1

Он помнил сверкающий паркет, сложенный из зеркальных половиц. Никогда он не видел его таким! Стоило полуденному солнцу коснуться его, и пол Петербургского коммерческого училища начинал пылать, хоть закрывай глаза. А все потому, что день был особенный. Еще вчера они, юные пансионеры, с покрасневшими лицами натирали щетками эти полы, драили их до седьмого пота, а старший преподаватель Мордвинов, которого они за придирчивость терпеть не могли и за спиной строили ему рожи, стоял над душой и монотонно говорил: «Трите лучше, господа бездельники, лучше трите. – В черном кителе, заложив руки за спину, он грозно посверкивал очочками. – Это вам не экономику учить. Нет-с! Экономику с вас государь император не спросит, нужна она ему сто лет, а вот за полы с господина Дынникова, нашего уважаемого директора, спросит, а он с меня, вашего учителя, ответа потребует. – Мордвинов так и прохаживался надзирателем, пока юноши работали и сопели. – Так что если с меня шкура поползет, то и с вас, господа ученики, тоже шкура поползет. А потому трите лучше, с огоньком, задором, но без сердца. Голова должна быть холодной, как в бою. И не сопеть, не сопеть, господа Курников и Алабин! Не поможет!..» В этот день все коммерческое училище точно перетряхнули, выколотили из него весь хлам и мусор, вычистили щетками и вылизали начисто. Разве что не языками! И потому полы училища, самые обыкновенные паркетные полы, в обычные дни – зашарканные и сероватые, нынче, 10 марта 1840 года, стали зеркальными! А через стекла коридоров и кабинетов так и совсем пролететь можно было – под весеннее солнышко и морозец. И точно так же, целехоньким, возвратиться обратно. Без царапинки!

Да, денек был знаменательный. В училище приехал император Николай Первый, окруженный пышной свитой. Он ходил важно, высоко подняв голову, и смотрел будто бы вверх. Словно трещинки на потолках считал. А на самом деле все видел! По крайней мере так им, пансионерам, казалось. Потому что вроде и глядит вверх, а потом внезапно укажет пальцем на что-нибудь и спросит: «А это откуда? Что такое?» И вот уже кланяется их директор, господин Дынников, и с ангельской улыбкой объясняет: так мол и так, то-то и се-то, оттуда-с и отсюда-с, ваше величество! «Ну-ну», – милостиво кивает всезоркий император Николай Павлович Романов.

«Не может он меня не увидеть! – судорожно думал шестнадцатилетний Петр Алабин. – Никак не может! Такой человек все видит! Всех, насквозь!»

И вот делегация ходила-ходила, и вдруг император точно нарочно взял и поотстал от своих, разглядывая портреты на стенах. А его временного десятисекундного отсутствия тем же чудесным образом не заметили. Бывает такое. Редко, но случается. И вот тут, поняв свою фортуна, Петр и бросился к царю, да так бросился, что даже не дошел, а почти проехал до него по тем самым половицам, которые драил накануне. Подъехал и замер в метре перед императором по стойке смирно, стрункой вытянувшись и высоко подняв подбородок.

А царь, высоченный, с бакенбардами, посмотрел так, как, верно, только с облаков можно смотреть на всех смертных. Одно слово: император! Третьего Рима повелитель! Нахмурился и спросил:

– Кто таков, юноша?

Никто бы из пансионеров и никогда не посмел бы вот так подлететь к царственной особе. Хочешь спросить, попроси педагога, коли он сочтет нужным, то заговорит о том с директором. Ну а директор скажет: «Вон подите оба с вашими глупостями». За такое самовольство можно и выпоротым остаться, и вылететь из училища. Одна только причина могла быть такому самовольству, знал государь: жалоба на вышестоящих. А вот жалобщиков, надо сказать, Николай Первый не жаловал. Не любил он их по природе своей. «Терпение и труд – все перетрут, – считал он. – Молчи и слушай, а коли порют, то разумей, за что». Он и сам не жаловался тятеньке Павлу Петровичу, когда воспитатель, бравый солдафон Ламсдорф, поколачивал его время от времени за тугоумие или непослушание. Это он говорил: «Разумей, пехота!» И маленький Николай, пытаясь вывернуться, укусить того и удрать, да все тщетно, как правило, разумел. Но и в голову не приходило идти плакаться к отцу! Тот бы заставил добавить – за слабодушие и подлость. Оттого и не любил император самовольства и нюнь жалобщиков-учеников.

– Ну? – переспросил он, уже готовый дать отпор.

– Пансионер третьего курса Петр Алабин! – выпалил юноша. – Ваше величество, прошу после окончания Коммерческого училища зачислить меня на службу в Тульский лейб-гвардии полк, – он запнулся, проглотил слюну, – в котором служил мой отец и дошел в составе этого полка до города Парижа в тысяча восемьсот четырнадцатом году! – У него уже и в глазах потемнело от волнения. – Прошу вас, ваше величество, зачислить нижним офицерским чином. Родине хочу служить!..

А глаза Николая Павловича, только что собиравшие грозу, оттаяли и потеплели. Вокруг них уже кучилась императорская свита, так оплошно потерявшая коронованную особу. Все немного плыло перед взором юноши. Совсем рядом, точно качаясь среди других настороженных учителей, грозил ему пальцем бледно-зеленый лицом директор училища, господин Дынников, и старший педагог Мордвинов смотрел через очки так ровно и так серьезно, точно собирался отправиться на кухню училища за самым длинным и зверским столовым ножом, чтобы после отъезда императора исполнить-таки свое обещание насчет шкуры.

– Похвально, Петр Алабин, похвально, – кивнул император и потрепал юношу по темным волосам. – Хороших ребят готовите, господин директор! – не оборачиваясь на того, сказал он. – Нам такие нужны!

Отвернулся и двинулся прочь, а за ним потекла и вся его свита с директором училища и прочими педагогами. Обернулся один только старший педагог Мордвинов, поглядел с лукавым прищуром через стеклышки, кивнул и тоже заторопился. Кажется, на кухню он идти более не собирался. А Петра все трясло и трясло от волнения, колени дрожали.

Но ничего, уже справлялся.

Его не наказали, даже не выругали. Кажется, выходка сошла с рук. Верно, понравилась она императору. Сам Петр уже думал о ней как о том, что произошло и не с ним вовсе, а с кем-то другим, когда в училище пришло письмо с высочайшим повелением: «Исполнить по окончанию курса и в качестве исключения просьбу пансионера Петра Алабина, учитывая воинские заслуги его отца, офицера Тульского полка в кампанию 1812 года, и зачислить его унтер-офицером в означенный полк на военную службу. Император Николай Первый».

Мордвинов встретил его на следующий день в том самом коридоре, где Петр нарочно столкнулся с императором.

– Ну ты и сукин сын, – сверкнув очками, одобрительно покачал головой старший педагог. – Далеко пойдешь, пансионер Петр Алабин!

И двинулся своей дорогой, все так же заложив руки за спину.

А Петр все смотрел и смотрел на эти горящие полы, которые еще не успели затоптать другие ученики, и счастье переполняло его. «Не забыл император! – бешено колотилось его юношеское сердце. – Не забыл!..»

– Поручик Алабин, к полковнику Разумовскому! Перестроиться в цепь! Поручик Гриднев, к полковнику Лешину, с тем же приказом! – Этот крик мгновенно вырвал его из воспоминаний: забылся на секунды – едва успел сделать несколько глотков из фляги и вернуть ее товарищу. А ревел налитый кровью лицом полковник штаба Добромыслов. – И тотчас же обратно! Передать: приказ генерала Павлова! Идти на расстоянии в сажень друг от друга, не ближе!

Но голос полковника уже перекрыл тяжелый и раскатистый гром, а за ним устрашающий, ничего хорошего не предвещавший свист. Так металл, стремительно приближаясь, режет воздух! Форт давно обескровлен, так что это?! Как и другие офицеры, Петр оглянулся. На том берегу Дуная, на плато, ветер уже подхватил десятки белых облачков и потянул их от жерл пушек в сторону.

– Откуда?! – оторвав флягу от губ, завертел головой Павел Гриднев. – Петька?!

– Из-за Дуная бьют! – кивнул тот на близкую реку.

Перелетев мобильный штаб генерала Павлова, ядра ударили в поле, по которому сейчас под барабанный бой топала русская пехота. Земля, металл, кости и кровь густо взлетели в воздух. Так начинался бесперебойный артиллерийский обстрел русских позиций на подступах к Ольтеницкому форту, занять который они думали уже в ближайшие часы! А все так удачно к тому шло – и форт был на грани сдачи: его артиллерия почти замолчала. И тут – новый прилив сил! Раскатисто и упрямо палили турецкие батареи с того берега Дуная и били крепко! С тяжелым грохотом взорвал небо очередной залп, встряхнув балканскую землю, и совсем рядом, над головой, прокатился град ядер, вновь резанув по русским позициям... Небо показалось черно-багровым. Но пора было выполнять приказ!

– Будь здоров, Петька! – влетев на своего коня, бросил товарищу Гриднев. – Смотри, коли убьют, скучать буду!

– Храни тебя Бог, Пашка! – откликнулся Петр Алабин и тоже прыгнул в седло.

У генерала Павлова на позициях убило двух адъютантов, и поручика Петра Алабина и подпоручика Павла Гриднева, полевых офицеров, вызвали исполнять эти обязанности: в их задачу вменялось пулей мчаться к редущим полкам – передавать приказания. Еще какое-то время они летели вместе, через дым, не глядя на убитых и раненых под копытами своих коней, а потом разошлись в разные стороны – каждый к означенному командире.

А земля продолжала содрогаться от взрывов. Русские полки через дым и огонь по холмистой местности упрямо подходили с двух сторон к Ольтеницкому форту. Зеленые мундиры и торчавшие вперед штыки рвали дым и гарь, рдели упрямые лица бойцов, горели бесстрашием глаза. И кого бояться в такие мгновения? Смерти?! Да уже сотни тел лежало на подступах, оторванные взрывами конечности уродливо разбросало вокруг. Еще сотни раненых, изувеченных корчились у тебя же под ногами! А надо было шагать, не глядеть по сторонам, а только вперед, и шагать, шагать! Вот когда смерть ближе самой теплой подруги! Роднее не сыщешь!

Русские полки, неся большие потери, были уже рядом с фортом, когда его пушки вдруг замолчали. А ведь именно теперь они должны были в упор бить по неприятелю! Стреляли только те батареи, что оставались за Дунаем. В сердцах русских солдат, чьи мундиры пропитала кровь их друзей, погибавших рядом в строю, уже закипало то чувство, которое напрочь лишает страха: «ПОБЕДА!» И тут с задних рядов понеслось: «Отходим!» Вот когда ушам не поверишь! «Как – отходим?!» – под вражеским огнем взорвались старшие офицеры, кото-

рые вели батальоны. «Как же так?! – возмутились ротные и командиры взводов. – Почему отходим?!»

Генерал Павлов остановил коня среди наступающих солдат, с гневом оглянулся назад. Да, пушки с того берега Дуная били по русским, нанося серьезный урон. Ну и что с того?!

Подумаешь, на то она и война!

Штаб продвигался вместе с генералом, который не привык отсиживаться позади. Адьютанты его превосходительства были рядом. Полковник Добромыслов, офицер штаба, посмотрел на своего командира ошарашенно, с негодованием:

– Прокофий Яковлевич, да как же так?!

– Не понимаю, не понимаю! – удерживая коня, зарычал тот.

Переглянулись недоуменно и два назначенных адъютанта: Алабин и Гриднев, готовые в любую минуту выполнить новый приказ. Всем было ясно: Ольтеницкий форт почти взят, турки уходят, уже смолкла их артиллерия: пушки свезли с позиций. И ружейная пальба стала реже. Остается только ударить по османам на той стороне Дуная, повернуть поскорее нашу артиллерию, и все! Нет, командующий приказал! И вновь, но уже с гневом зароптали солдаты и офицеры, потерявшие сотни друзей и почти достигшие цели: «Что же творит их дивизионный генерал Данненберг?»

Ведь победа! Вот же она: победа!..

Так начиналась первая серьезная битва в войне, которой суждено будет перевернуть всю Европу...

2

Русскому императору Николаю Первому хотелось воевать Турцию. Кто с ней только ни воевал из русских царей! И Федор Алексеевич воевал, и Софья с Василием Голицыным воевали, и Петр Великий воевал, и Анна Иоанновна, и Елизавета Петровна, и Екатерина Великая, и брат его, Александр Первый! И сам он, кстати, воевал Турцию, едва вошел на престол. И заставила Россия при нем, Николае Первом, отдать и восточное побережье Черного моря, и признать русское верховенство над Грузией и частью Армении, предоставить Сербии автономию, а также занять Молдавию и большую часть Валахии до тех пор, пока Турция не выплатит контрибуции!

Но очухались османы и вновь подняли голову. И живет до сих пор гидра! Притесняет христиан на Востоке, плетет интриги. Желание русского императора расправиться с иноверцами и освободить братьев-славян из-под многовекового ига становилась идеей-фикс. «Созрела-таки Россия для подобного шага!» – считал, и не без оснований, император. К середине XIX века Османская империя и впрямь заметно ослабла, одряхла, как дряхлеют все деспотии, веками державшиеся на слепом поклонении вождю и рабском труде. Экономика Турции давно осталась позади в сравнении с мировыми державами, и прежде остро отточенная оттоманская сабля потупилась и чуть заржавела в громоздких восточных ножнах.

9 января 1853 года Николай Первый напрямую предложил Англии, самой сильной европейской державе, поделить Турцию. И тут Англия не на шутку испугалась. Отдать проливы России? Отдать Босфор и Дарданеллы? Позволить выходить в океан на западе? А что на востоке? Захвати Россия Турцию, она возьмет и Персию, а за ней не устремит ли она свой взор далее, на Индию? Как это уже делал их император Павел с подачи Наполеона Первого, да, к счастью, вовремя был убит! Именно об этом думал английский парламент в начале зимы 1853 года, когда зашел исторический разговор между Николаем Первым и послом Великобритании в России сэром Гамильтоном Сеймуром на светском рауте, в частном разговоре, с бокалом шампанского в руках. Точно речь шла о том, какой кусок торта вам более нравится: с розочкой или клиновым листом? Аппетиты у Николая оказались велики! И смотрел он, став первым европейским карателем, куда дальше своих предшественников! Это и не нравилось парламенту. Ведь что такое Англия без Индии, без этой роскошной сырьевой базы? Даже Египет и Кипр, которые предлагал Николай забрать англичанам, Малая Азия и Сирия, не могли прельстить их. Тем паче, что таким образом, возможно, он мечтал столкнуть лбами интересы англичан и французов на Востоке и в Африке! Ослабив враждой две великие державы, он бы уже не знал себе равных в Европе, и так шагая по ней широко!

Так не много ли брал на себя русский император?

Англичане ответили мягким отказом, и тогда Николай Первый решил все сделать сам. Он сам раздавит Турцию, но вначале напугает ее. Введет войска из Бессарабии в Дунайские княжества, где проживали румыны, хотя бы в два из них – Молдавию и Валахию, а там видно будет. Да и Болгарию пора от турок освобождать! – давно говорили при дворе, поддакивая справедливым желаниям императора.

Князь Александр Сергеевич Меншиков имя получил в честь знаменитого прадеда, соратника Петра Первого. Любимчик царя, надменный эрудит, острослов и равнодушный ко всему царедворец, он ехал в Константинополь с одной идеей: во что бы то ни стало порвать дипломатические отношения с Турцией. Именно этот исход переговоров, знал он наверняка, удовлетворит его императорское величество. Конечно, формально он должен был выхлопотать свободы для христиан, проживающих в империи османов, решить вопрос о «святых местах» в Иерусалиме, которые Россия оспаривала с французами, но его друг-император

уже готов был ввязаться в крупномасштабную войну. А желание российского императора для любого русского дипломата – закон!

Меншиков, дав смотр войскам в Бессарабии, а позже флоту на Черном море, отправился в Константинополь на самом грозном корабле Российской империи «Громоносец» и 28 февраля 1853 года прибыл в столицу Оттоманской империи. В Константинополе он вел себя так нарочито нагло и на всех смотрел свысока, включая самого султана, что тот затрепетал. Турки поняли, что русские готовятся к войне, и «притеснения православных» и спор с французами из-за «святых мест» – всего лишь благовидный предлог для интервенции.

И вот тут англичане не выдержали. Они приготовились дать русским отпор и быстро сошлись на этой почве со своим старинным врагом – Францией. Наполеон Третий, не так давно пришедший к абсолютной власти через насилие и обман, страстно желавший реанимировать империю, с радостью согласился встать против русских. Он мечтал отомстить за своего великого и обожаемого им дядю, когда-то униженного злой и холодной Россией. Луи по молодости даже стал капитаном артиллерии в память о дяде! А тут представлялась прекрасная возможность для реванша, тем более на чужой территории. Экономика была на подъеме, армия вооружена лучше некуда. Так отчего не послать несколько корпусов в Турцию, чтобы поддать жару этому зарвавшемуся царю Николаю?

Уезжая из Константинополя в июне 1853 года, бросив турок в растерянности и почти в панике, недалёковидный Меншиков, как и его император, думал воевать только с Азией, со «слабым человеком», как называл Николай Первый Турцию, еще не зная, что англичане и французы, в союз которых всерьез никто не верил, уже готовились к длительной общеевропейской войне.

Осенью 1853 года русская армия под предводительством князя Горчакова вошла в Молдавию и Валахию и расположилась вдоль Дуная. Турецкую армию, растянувшуюся вдоль той же реки, возглавлял Омер-паша. Этот хитрый полководец был выходцем из сербской христианской семьи, но поняв, что карьерного роста ему не видать, принял ислам и добился больших успехов в Порте. 27 сентября Омер-паша поставил в известность Горчакова, что если в течение пятнадцати дней русские не оставят княжества, он приступает к военным действиям. 11 октября у крепости Исакии произошел бой, а еще через десять дней Омер-паша с четырнадцатью тысячами солдат переправился через Дунай. Уже скоро у местечка Ольтеница русским и туркам суждено было сойтись в первом серьезном бою...

23 октября в первом часу пополудни русские пехотные полки генерала Данненберга числом в шесть тысяч человек, хорошо оснащенные артиллерией, двинулись на турецкие позиции. Продвигались вперед по сто метров и открывали огонь. Но артиллерийский огонь турецкого форта был куда основательнее – наступающие шли по открытому пространству. Особенно героически скоро ложились под турецким огнем знаменные роты, отважно шагавшие впереди. Места убитых, разорванных картечью и сметенных ядрами, смело занимали другие. И все-таки русские, погибая большим числом – и офицерским составом, и рядовыми – быстро катили орудия вперед и смело отвечали огнем. Штурм оказался и стремительным, и кровопролитным одновременно. Турок было больше, но отвага русских частей так поразила их, испугала до глубины души, что они стали отползать, забирая пушки. Многие устремились к Дунаю. Вот тогда с той стороны реки забили по наступающим на форт другие турецкие части – и этот огонь оказался действенным. Но русские, потерявшие столько товарищей, были уже у стен форта и ликовали. И тогда от генерала Данненберга пришел приказ: «Отходить». «Как – отходить?!» – ничего не понимали командиры. Солдаты роптали: «Как же такое быть может? Ведь победа! Победа!»

Горнисты трубили отбой, но кто их услышит за канонадой?! Да и солдаты не думали идти назад. Велик был гнев и жажда победить! Младшие офицеры, как Алабин и Гриднев,

рассыпались по наступающим полкам и батальонам, идущим через дым и гарь, с приказом: «Уходим!» Но во многих подразделениях не осталось офицеров – все легли в землю! Их противник выбивал в первую очередь! И тащить надо было солдат! У одного из таких ополвиненных батальонов и остановил коня поручик Петр Алабин.

– Уходим на позиции! – что есть силы крикнул он шагавшим вперед, под изорванным пулями стягом, рядовым. – Приказ главнокомандующего!

А впереди, за дымом, уже совсем близко читались бастионы Ольтеницкого форта.

– Да ты не ошибся, офицерчик?! – с гневом обернулся на поручика седоусый солдат, который прошел не одну войну. – Турки ж у нас вот здесь! – оторвав руку от винтовки, он сжал мозолистый красный кулак, похожий на камень. – А?!

Как и другие офицеры, Петр Алабин сам не мог понять и принять случившегося. Но куда было деваться?!

– Отходим, братцы! – повторил он. – Приказ генерала Данненберга!

Ему надо было лететь дальше!

– Тьфу! – только и услышал Алабин вслед. – Эх, офицерчик, офицерчик!

Приказ есть приказ, и русские, разом упав духом, потянулись назад. А среди них было много раненых, искалеченных. Турки, еще частично оставшиеся в форте, сами не поняли своей удачи. Но глазам верить стоило – и они быстро решились на ответ. И вот уже среди с неохотой отступавших русских, которые то и дело оглядывались на форт, послышались крики: «Сволочи, они же нашим головы рубят!» Это была правда! Конники-османы устремились из-за стен и окопов на отступающего противника, кто был ранен, и на скаку взмахом ятагана обезглавливали русских солдат.

Битва, могущая стать первой и славной победой, вдохнуть еще большую силу и надежду в сердце русского солдата, официально была в этот день проиграна.

А два генерала, Горчаков и Данненберг, понимали, что совершили огромную и вряд ли простительную для полководцев ошибку. Данненберг оправдывался, что увел войска с захваченных позиций по той причине, что не хотел подвергать свои части огню турецких пушек с правого берега Дуная. Но Горчаков, как понимали генералы его штаба, совершил куда более значительный промах! Он послал на хорошо укрепленные позиции турок всего шесть тысяч русских солдат. Их не хватило! А ведь и другие части были под рукою – и все можно было устроить иначе! Неудача, которую повесили жестокой ношей на Данненберга, была еще печальней оттого, что турки ночью сами оставили форт, предварительно подпалив его, и ушли за Дунай.

А ведь русские могли помешать их бегству!

Под Ольтеницей погибла почти тысяча русских солдат и офицеров. Еще было обидно и то, что русские дрались так, точно шли под знаменами Суворова. Штабс-капитана Скородумова, командира второй мушкетерской роты, пуля поразила в шею, но он сам вытащил ее и вел свою роту дальше, и снова был ранен, но уже в руку. Другой командир роты, штабс-капитан Лютер, был ранен в руку картечью, но шел со своими солдатами и ободрял их словами, пока одно ядро не разорвало ему грудь, а другое тотчас же не сорвало голову. Прапорщику Попандопуло перебило пулей кость ноги, но он продолжал идти в цепи, опираясь на ружье. Потом упал без чувств и позже умер от полученной раны. И таких были сотни! С ними можно было побеждать любого противника. Увы, увы! Не те полководцы командовали в этот день!

Но только начинать столь грандиозную кампанию по освобождению великих земель стоило с победы. Французская и английская пресса захлеб прославляли бесстрашных турок, а в Омере-паше разглядели великого восточного полководца! Более других было обидно русским офицерам и солдатам. Их старания оказались напрасны. Воинский дух, который обязан питаться победами, упал.

В день после битвы поручик Петр Алабин попросил генерала Павлова выслушать его.

– Ваше превосходительство, – сказал он, – разрешите офицерам и солдатам наших полков поставить памятник погибшим товарищам. Сегодня же и начать. Мы уже и договорились...

– Чья инициатива?

– Моя, ваше превосходительство. Я уже придумал, каким он будет.

– Есть рисунок?

– Так точно, всю ночь просидел с карандашом.

– Любопытно, Алабин. Покажите.

Офицер вытащил из нагрудного кармана кителя лист бумаги, разложил его перед генералом.

Павлов кивнул:

– Разрешаю, поручик Алабин. Дело хорошее. И проект хороший. Молодец.

В ближайшие дни по инициативе и проекту поручика Петра Владимировича Алабина на одном из курганов близ Ольтеницы, ставшем братской могилой, был возведен монумент – плита с пирамидой. Работали и офицеры, и солдаты. Никто не захотел остаться в стороне. Пирамиду венчал православный крест – и он же попирает магометанскую луну. Вокруг памятника бойцы разных полков посадили платаны, кусты белой акации и розы.

3

Дунайская кампания велась русскими полководцами чересчур осторожно, а часто и вяло. Отчего так было? Каждый боялся совершить непростительную ошибку. Главнокомандующий, князь Паскевич, перед которым благоговел император Николай, когда-то пользовался в русской армии непререкаемым авторитетом. Соратник Багратиона, герой Бородина! Но он был уже стар, ему исполнилось семьдесят, и опасался промаха. А Николай Первый, в письмах уважительно и ласково называя фельдмаршала «мой любезный отец-командир», все надеялся и надеялся на старика, а тот все тянул и тянул с большой битвой, потому что, увы, не верил в Дунайскую кампанию и, что еще хуже, не верил в свои силы. Особенно он опасался штурмовать сложную турецкую крепость в низовьях Дуная – Силистрию, куда подошли русские войска общей численностью в 100 тысяч бойцов всех родов войск. А крепость была стратегически важной: одним необходимо было удержать ее, другим – взять. Николай Первый настаивал на скором штурме, досконально изучив в Петербурге, за три тысячи верст, и диспозицию своих войск, и войск противника, и фортификацию Силистрии.

Сама крепость была старой и далеко не самой мощной, но ее окружала целая сеть хитроумных укреплений. Туркам помогли европейские инженеры. Мощными оплотами Силистрии были окружавшие ее форты. Наиболее сильными из них считались Абдул-Меджид, Араб-Табия, Песчаный. Эти небольшие крепости с отличными гарнизонами и мощной артиллерией были связаны сетью коммуникаций. Паскевич если и собирался штурмовать Силистрию, то лишь из-под палки императора, а так он считал штурм гибельным для всей Дунайской армии. И все потому, что маниакально боялся удара Омера-паши из Шумлы, союзников англо-французов с черноморского побережья и враждебных России и притихших до срока австрийцев с тыла. Но союзники находились далеко, разрозненные, и совсем не были готовы к битве, австрийцы упрямо молчали, а Омер-паша и не думал бросаться в бой в одиночку. Паскевич отказался от полного блокирования крепости, боясь растянуть на 15 верст свою армию вокруг Силистрии, тем самым предоставив крепости общаться с Шумлой и другими турецкими пунктами, получая продовольствие и живую боевую силу. С каждым днем Силистрия продолжала укрепляться на глазах у русских, и тогда русские тоже стали возводить свои фортификации напротив турецкой крепости. Они точно соревновались друг с другом! Причем Паскевич укреплял свои позиции так, словно бы это он должен был отбивать штурм, а не Муза-паши, комендант турецкой крепости. А также Паскевич к недоумению своих наиболее сметливых генералов приказал водить большие пешие и конные соединения вокруг Силистрии, на глазах у турков. Так он проводил рекогносцировку и одновременно демонстрировал свою силу. Первый раз это напугало османов, второй раз поставило в недоумение, а потом турки просто-напросто решили, что русские боятся идти на штурм. Что соответствовало настроению фельдмаршала Паскевича и было противно его полевым генералам и тем более офицерам и солдатам, которые отчаянно хотели драться, сердцем испытывая унижение за русское оружие. Турки даже постреливали в сторону марширующих русских полков и даже кого-то убили, что давало повод Музе-паши отчитываться в том Омеру-паши, сидевшему в Шумле с войском, а тому, ловкому комбинатору по части информации, писать англичанам и французам, что очередное нападение на Силистрию было отбито, русские в очередной раз ушли, и хотелось бы поскорее увидеть союзников, чтобы вместе напасть на лагерь русских.

Заполночь у костра сидели пехотные офицеры: капитан Черенков, поручик Алабин, подпоручик Гриднев. Они кипятили воду для чая, ели нехитрый паек. Лица, освещенные

пламенем, были уставшими, но не от военных забот, а скорее от нехватки их, от дурных мыслей, какими сейчас полнились головы тысяч русских офицеров и нижних чинов.

– Я вчера разговор подслушал двух наших солдат, – грустно улыбнулся Петр Алабин. – Вот так же, у костра. Один спрашивает: «Никитка, ни хрена не понимаю, чего мы тут делаем, на Дунае?» «Какой же ты дурила, – отвечает тому Никитка, – Муза-паша не прочь сдать нам Силистрию, а фельдмаршал, дай Бог ему здоровья, ни в какую: отказывается брать ее, и все тут!»

Гриднев прыснул. Черенков, подкрутив рыжеватый ус, покачал головой:

– Да-с, господа, шуточки! – Он смотрел на огонь, затем поднял голову. – С вами, Алабин, прямо-таки сидеть опасно!

– Ладно вам, Алексей Михалыч, – махнул рукой Гриднев. – Все об одном только и говорят. Даже вслушиваться не надо!

– Фельдмаршал на этот счет очень строг, господа, – улыбнулся младшим товарищам капитан. – Обидчив герой Бородина!

– Лучше бы на турок обижался, – откликнулся Гриднев. – Пользы больше было бы!

Черенков крутанул ус, сам потянулся вперед – к товарищам.

– Ладно, скажу. Я давеча слышал от адъютанта генерала Шильдера, – он оглянулся назад, не идет ли кто к их костру, – а тому обмолвился офицер фельдмаршальского штаба, – Черенков заметно понизил голос, – что царь аж два раза в неделю пишет Паскевичу и призывает его к штурму. А тот ему отвечает туманно, мол: вот буквально завтра, ваше величество, только момент подкараулим. Царь вновь: иди штурмовать крепость. А фельдмаршал ему: еще чуть-чуть подождем – и все там будем.

– Не знаю, где мы будем, если все так и дальше пойдет, – покачал головой Павел Гриднев. – Я тоже хорошую шутку слышал, но от офицеров-фортификаторов. – Глядя в огонь, он улыбался, удержаться не мог.

– И что говорят фортификаторы? – спросил Черенков.

Призывно кивнул и Алабин:

– Ну?

– Мы, говорят, скоро свою Силистрию построим. Рядышком. – Гриднев поднял глаза на товарищей. – И турецкая нам уже ни к чему будет!

Все втроем засмеялись. Но смеялись с досадой и грустью. Такие разговоры шли сейчас за тысячами костров в двух-трех милях от турецкой крепости. И прав был поручик Алабин, подслушавший разговор солдат, и подпоручик Гриднев, ставший свидетелем разговора офицеров. И прав был капитан Черенков, которому насплетничали про письма царя своему любимцу – фельдмаршалу Паскевичу.

Только вначале император, страстно желавший штурма Силистрии, был мягок и писал так: «Прости, любезный отец-командир, что так смело выражаю мои мысли и желания. Ежели ты другого мнения, уступаю, но душевно желаю, чтобы мы извлекли всю возможную пользу из столь неожиданного благополучного начала». Но Паскевич все не решался и уходил от ответа, только намекая на свое нежелание штурма. Царь раздражался: «С крайним огорчением и с неменьшим удивлением получил я сегодня утром твое письмо, любезный отец-командир, писанное из Измаила. Тем более оно меня огорчило и поразило, что совершенно противоречит тем справедливым надеждам, которые в меня вселило последнее твое письмо, столь согласное с моими желаниями и с моей непременной волей!» Наконец Паскевич набирается храбрости и просит разрешения покинуть Дунайские княжества, и Николай взрывается известным письмом своему любимому полководцу: «Сегодня утром я получил твое письмо, любезный отец-командир. Со всей откровенностью должен тебе признаться, что твои мысли вовсе (слово подчеркнуто три раза!) не сходны ни с моими убеждениями, ни с моей непременной волей. Предложения твои для меня постыдны, я их не принимаю и

посчитал бы преступным пред достоинством России согласиться на подобное! Ты пишешь мне, что болен? Так вот, вероятно, в пароксизме лихорадки ты написал такое, потому что будь ты здоров, сам бы не поверил в написанное!»

После этого русские войска и появились под стенами крепости Силистрия и началась осада. Только вот с долгожданным штурмом главнокомандующий никак не мог определиться. Правда, русские пушки то и дело били по крепости, нанося урон и оборонительным сооружениям, и живой силе противника, но турецкие пушки также отвечали огнем. Время от времени возникали стычки отрядов – турки выбивали русских из вырытых за ночь близких к крепости траншей, но чаще сами ложились в этих траншеях, когда к осаждающим поспевала подмога.

Так и проходил день за днем и неделя за неделей под осажденной Силистрией...

17 мая не предвещало никаких экстренных событий. Ночью велись осадные работы: в том числе и вокруг форта Араб-Табия. Но турки решили сделать крупную вылазку и под прикрытием огня бросились на противника. Атаку османов отбили, форт умолк. Генерала Дмитрия Дмитриевича Сельвана, начальника всей передовой линии, молодые аристократы-штабисты убедили, что Араб-Табия оставлен противником, и генерал, хоть и с опаской, но дал приказ батальонам штурмовать форт. Причем с барабанным боем, что так помогло притихшим за бойницами туркам! Подходившие русские были встречены убийственным картечным и ружейным огнем, но шли в полном порядке, смыкая за убитыми ряды. Так и подошли к насыпи. Штурмовых лестниц не оказалось – ступени в глине под вражеским огнем выбивали прикладами винтовок. На вал лезли все – полковники и генералы с саблями наголо в том числе. Генерала Костанду сбивали с вала два раза, но он поднимался и шел в бой. Видя отвагу старших начальников, солдаты взбирались и бросались на турков со звериной яростью. Ночь выдалась кровавой и зверской. В рукопашной свалке уже на насыпях и стенах дрались всем, что попадется под руку – прикладами, камнями и кулаками. В том числе и офицеры. Душили друг друга голыми руками. Многие турки еще не видели русских такими! Им так хотелось драться – и солдатам, и офицерам, отомстить за неудачи! Позже Омер-паша, выслушав своих командиров, скажет: «Атака русских дошла до такого предела, когда всякое сопротивление со стороны гарнизона прекращается». А к месту битвы спешили еще четыре батальона генерала Попова. Никому не хотелось упустить битвы! В эти самые минуты со стороны лагеря и раздался скупой звук отбоя – и всего один только раз! Сельвана, который сам пошел на штурм, нигде не оказалось, и осторожный генерал Веселитский, плохо понимая, что происходит, дал приказ отходить. Но его не послушались, потому что турки сдавали позиции и дело шло к занятию форта. Пришлось отдавать приказ со всей строгостью, и уже отступавшие русские, злые и негодующие на своих командиров, понесли тяжелые потери. Никто так и не понял, почему дали отбой! Был ранен сам Веселитский, генерал Костанда, князь Щербатов и граф Орлов. А генерал Попов, не зная об отходе своих, ударил по форту с другой стороны, но в одиночку, и тоже понес большие потери. В «бессмысленном и беспорядочном бою», как оценил его позже генерал штаба Коцебу, погибло 911 нижних чинов, 26 офицеров, 2 генерала. Одним из них был и сам Дмитрий Дмитриевич Сельван.

– Всех разжалую! – сипло ревел в своем штабе старый и больной фельдмаршал Паскевич, который хотел единственного: уехать туда, где тише, и увести с собой целехонькой армию. – Да как посмели?! Кто приказал?! Кто надоумил Сельвана?! Какие вы, к черту, солдаты?! Вам на базаре кулаками махать надобно, а не крепости брать!

Было назначено следствие. Призвали к ответу генералов Веселитского и Шильдера, но вина, как это бывает часто, упала на того, кого уже не было в живых. На генерала Сельвана. Молодые аристократы-штабисты, толкавшие командира в битву, языки проглотили. Горниста, трубившего в лагере отбой, который услышал Веселитский, так и нашли. А не прислы-

шалось ли генералу? – подумали многие. И такое могло быть! Изучив в Петербурге дело, император написал: «Темно и вовсе неудовлетворительно, а верить можно, что бросились сгоряча за бегущими! Душевно скорблю о напрасной трате драгоценного войска и потери стольких храбрых, во главе которых ставлю почтенного Сельвана, дорого заплатившего за излишнюю отвагу. Мир праху его, он умер геройской смертью!»

Но ведь так на самом деле и было. Сабли в ножнах заржавели! Хотелось драки – вот и влезли в нее с головой!..

4

Вечерело. Рота егерей залегла в траншее перед самым носом у турок. Над их головами били картечью – били по дальним русским позициям. А впереди разрастался во все стороны форт Абдул-Меджид с насыпями, валами, башнями. Ночами русские солдаты копали, точно мыши – норы, траншеи, ведущие ко всем фортам Силистрии. Чем ближе подойдешь, тем больше шансов и успешнее атаковать противника и заложить очередную мину. Османы уже разгадали задачу русских на этом участке и теперь готовились напасть на два взвода саперов. Цель была не дать противнику заложить взрывчатку у подножия одного из турецких укреплений.

Капитан Черенков по приказу командира полка и перебросил сюда своих егерей – прикрыть саперов, и если что, дать им уйти по траншеям к своим. Такие операции были ежедневными под осажденной Силистрией!

Они увидели турок еще издалека. Те осторожно вышли из бастиона и теперь гуськом быстро двигались в сторону работавших саперов. Их было не менее сотни, как и русских егерей. Черенков ждал. Несколько офицеров и сотня русских солдат охотниками затаились в траншее. Сейчас и выглянуть было опасно. До срока выдать себя было никак нельзя!

– Алексей Михалыч, когда же ударим? – вырвалось у подпоручика Павла Гриднева.

– Заметят с крепости – перебьют! – нервно бросил тот. – У них штуцера, а у нас?! Только сунься!

– А так перебьют саперов, – следя за турками, процедил Гриднев.

Черенков тербил ус.

– Далеко, Павел, далеко!.. Прокопенко! – позвал он невысокого сухощавого солдата, – ты у нас самый юркий, ползи к саперам, скажи, пусть все бросают – и к нам! И быстрее, Степан, быстрее!

Прокопенко устремился вдоль траншеи в сторону форта.

– А может быть, сами, Алексей Михалыч? – спросил Алабин.

– Да заметят нас! – зло бросил капитан Черенков, поднимая голову, глядя на идущих к саперам турков. – Целая рота!

– Ну а если так, – предложил Петр Алабин. – Полроты останется здесь и будет нас прикрывать, это на случай, если их штуцерники вылезут на башни. А я и Пашка со своими взводами пойдем ровнехонько по следам Прокопенко, а? И там ударим по туркам? Ну, думай, Алексей Михалыч, думай!..

Черенков перехватил взгляд поручика, дернул себя за ус, кивнул:

– Идет! – Он даже нервно засмеялся. – Только мышами-с, господин Алабин, мышами-с! Ты, Петр, за командира!

Уже через несколько минут два взвода, согнувшись в три погибели, торопливо потянулись к саперам и навстречу туркам. Когда Алабин в очередной раз поднял голову, то увидел, что турки в пятидесяти шагах от саперных работ и на расстоянии ста шагов от них, ползущих по свежевырытой траншее. А навстречу им за рядовым Прокопенко гуськом уже торопились сюда и сами саперы. Успели-таки! Но теперь было ясно: сейчас турки обнаружат, что дичь ушла и бросятся в погоню! Прямо на них! Вот когда, не подсуепись они, останется в траншее винегрет!

– Взвод первый, взвод второй, приготовиться к бою! – оглянувшись, громко прошипел Алабин. – Сейчас вынырнем! Только цельтесь вернее, ребята! И не в одного, а по всей линии, как сами сидите! Я бью в командира, вот и считайте!.. Ружья к бою!..

Два взвода выглянули как раз тогда, когда турки приблизились еще шагов на тридцать и только что обнаружили отсутствие русских саперов. Три турецких офицера совещались

между собой. Алабин прицелился из пистолета в первого из них, бородатого, с эполетами. Их увидели, один из турецких офицеров ткнул пальцем в сторону траншеи, где залегли два взвода, но туркам уже было поздно соревноваться!

– Пли! – через секунду скомандовал Алабин.

Около полусотни ружей егеря разрядили одновременно. И прицельно время было! Третью турков, вскинув руки, убитыми и ранеными повалились на землю. Алабин видел, как схватился за шею его бородатый офицер в феске, покачнувшись, обливаясь кровью, бухнулся на колени и повалился назад. Русские сразу скрылись в траншее.

– Перезарядить! – скомандовал Алабин. – Саперы, слушать сюда! – Те уже были в двух шагах. – Ружья заряжены?!

– Так точно! – ответил ему старший по званию, даже опешивший от такого командирского тона поручика капитан саперов.

– Теперь ваша очередь! Прицельно по всей колонне! По моей команде! – В эту самую минуту раздался еще один сплоченный залп, на отдалении. Это Черенков с остатками роты издали бил по туркам. Алабин и Гриднев выглянули. У турков еще вышло с полтора десятка солдат. И тут за дело взялись саперы. Человек тридцать, вынырнув из окопов, с радостью ударили по ополовиненному турецкому отряду. Из охотников османы сами превратились в дичь! А поняв это, бросились в сторону крепости, оставив раненых корчиться у траншеи. Тут и очнулись солдаты в крепости, забили тревогу. Но когда они стали искать глазами русских и стрелять почти наугад, егеря и саперы уже ползли по траншее в сторону своего лагеря...

Утром полковник Бибилов, командир 43-го егерского полка, бодро зашел в шатер младших офицеров:

– Где поручик Алабин?

Тот, протирая глаза, подскочил, вытянулся по струнке:

– Здесь, господин полковник!

– Молодец, офицер, – похвалил его Бибилов. – Все молодцы! Буду хлопотать о повышении в звании тебя и подпоручика Гриднева. Быть тебе штабс-капитаном, Алабин!

И так же бодро полковник вышел из шатра.

5

Дело не шло и досады в войсках было хоть отбавляй. Генерал штаба Коцебу оставил записи в дневнике: «20 мая. Ночь была спокойна, только несносна из-за фельдмаршала, который давит, как кошмар, и все парализует». «22 мая. Фельдмаршал произвел бестолковую разведку. Его гнев. Фанфаронады Шильдера продолжают... Фельдмаршал опять выказывает боязнь австрийцев, и все это лишь для того, чтобы самому уехать». Уже понятно, что прежняя несогласованность среди генералов медленно переходит в неприязнь и даже вражду. «23 мая. Фельдмаршал говорит, что он болен. Ясно, что он хочет уехать. Пусть едет!» «25 мая. Паскевич объезжает позицию, чтобы показать, как следует занять ее в случае решительного боя. Я сказал Горчакову, что это обман вести осаду так, как теперь, и что нам нельзя достигнуть благоприятного результата, не окружив крепости!».

Смелая вылазка турок, убивших в редутах 125 русских и потерявших против них всего 50 своих, дала повод Паскевичу написать императору, что противник «осмелел и окреп». В Силистрию подтягивались новые подразделения, подвозилось продовольствие. Никто из генералов, в том числе и сам император, не понимали, как можно осаждать крепость и тем временем оставлять осажденным свободный вход и выход. Но Паскевичу, «любезному отцу-командиру», было все ни по чем.

Осадные работы не прекращались ни на минуту: рылись траншеи, поднимались защитные насыпи, ночами по округе рассыпались русские саперы и взрывами обрушались вражеские бастионы. Схватки в окрестностях крепости продолжались едва ли не каждый день. Подчас ожесточенные и кровопролитные.

Но дело стояло на месте. Это видели все.

28 мая во время большого маневра был контужен фельдмаршал Паскевич, и его пришлось увезти из-под Силистрии. А 1 июня был смертельно ранен талантливый инженер и руководитель осадных работ генерал Шильдер. Паскевич так и не дал ему работать самостоятельно, не позволил полностью блокировать крепость, ограничив знаменитого фортификатора своими полумерами. Войска еще сильнее пали духом, это было заметно во всем. В разговорах, в поведении, по лицам. Всем становилось ясно, что Силистрию вряд ли уже взять русской армии. Тем временем в Шумлу стали приходить полки союзников, да и турок там было уже предостаточно. Хоть и больной, но Паскевич интересовался делами под Силистрией и постоянно писал в Петербург. И вот, не мытьем, так катаньем, но фельдмаршал сумел-таки добиться своего: убедить императора снять осаду. Осторожный князь Горчаков, взявший командование в свои руки, предполагал, что в Шумле уже от ста до ста пятидесяти тысяч солдат противника. А это значило, что нападение можно было ждать каждый день. И был еще постоянный страх, что, едва почуяв слабость России, с тыла ударит Австрия. «Дратся на правом берегу реки, – убеждал государя Паскевич, и теперь уже небезосновательно! – губительно для русской армии. Пора, ваше величество, переходить на левый берег Дуная!» И вот уже Николай писал своему «отцу-командиру»: «Снять осаду будет нужно, думаю, ежели не будет уже никакой надежды скоро овладеть крепостью, а неприятель будет близок и в силах». Но и сам император, как и его Дунайская армия, также пал духом и не верил в победу.

А на штурм Силистрии Горчаков и его генералы взяли вдруг и решились. Некому было в отсутствие Паскевича бить по рукам! Штурм назначили на раннее утро 9 июня. Все командиры получили необходимые распоряжения. Войска привели в полную боеготовность. Сердца вдруг забились иначе, в миг проснулся боевой дух! Но за несколько часов до общего выступления, вечером 8 июня, приехал адъютант Паскевича с приказом снять осаду. Фельд-

маршал окончательно убедил царя, что Австрия непременно объявит войну и ударит в спину, и Николай дал добро отходить.

В полках негодовали, но что проку?

«Горько отступать перед неприятелем, – писал в Петербург императору князь Горчаков, когда начался отход за Дунай. – Европейцы навряд ли поспеют, чтобы помешать нам, но опасюсь, что Омер-паша придет и выждет для атаки то время, когда у меня будет на правом берегу Дуная один арьергард! Уповаю на Бога; Он будет нам покровительствовать в столь правом деле и накажет неистовых врагов Ваших, особенно австрийского императора, о гнусной неблагодарности которого не могу мыслить, не чувствуя волнения в крови!»

Красив был Дунай, красив! Особенно теперь, в летнюю пору, когда все цвело и благоухало, и зеленые холмистые берега его, укрытые лесами, казались Землей обетованной!

Стоя на огромном плоту, которым управляла дюжина солдат, смотрел на удаляющийся правый берег и капитан Петр Алабин. Его только что повысили в звании! И в должности: замкомроты. Но горько было на душе, как и у тысяч других русских офицеров и солдат. Его хлопнули по плечу. Он обернулся. Павел Гриднев. Поручик! Тоже повысили за удачную вылазку под фортом Абдул-Меджид. Но горечи и разочарования на лице хватало и у его товарища. И еще злой иронии!

– Как это можно было два месяца рыть землю, как кроты, и все прахом пустить? А, как, Петька?

– Стало быть, можно, – ответил Алабин. – Представляю, что о нас теперь в России скажут! Слабаки, скажут, турков одолеть не смогли!

К ним подошел и капитан Черенков.

– Жалко уплывать? – дернув себя за рыжеватый ус, спросил он. – Господа офицеры?

Ни Алабин, ни Гриднев не ответили. Сотни плотов, груженных живой силой, артиллерией и обозом отходили сейчас от одного берега к другому. Солдаты во всю работали гигантскими веслами. По всей реке шли переклички, стоял бодрый матерок. И все это аукалось над утренней чистой водой. Сто тысяч человек! Целое переселение народов, одно из тех, что в разные тысячелетия спокойно наблюдал красавец-Дунай!

– Хороша речка! – усмехнулся командир роты. – Жаль уходить, жаль!

27 июня в «Московских ведомостях» обученные грамоте жители империи прочли: «В исполнение предписания осады Силистрии снята 14 июня, и осадный корпус переправился на левый берег Дуная в совершенном порядке, не понеся ни малейшей потери. Турки не осмелились даже следить за русским арьергардом».

Тем не менее этот уход всеми был воспринят как суровое и бесславное поражение в Восточной войне, на которую столько было надежд, о которой столько говорили, мечтая вновь увидеть блистательную славу русского оружия!

6

Князь Александр Меншиков, принявший командование войсками в Крыму, до самого конца не верил в англо-французский десант, посмеивался над союзниками, отшучивался и отмахивался от своих военных советников. Тем не менее французский флот, которым командовал уже пожилой и больной маршал Сент-Арно, герой французских побед, легендарная личность, вырос прямо под самым носом светлейшего князя 2 сентября 1854 года. Но даже после этого Меншиков ничего не предпринял.

Вот что писал позднее один из офицеров его штаба:

«Со 2-го сентября началась высадка неприятелей без всякой помехи с нашей стороны! Два, три полка с артиллерией могли бы порядочно поколотить закачанного на море неприятеля!.. Но наши равнодушно смотрели на эту высадку, даже не сделали никакого распоряжения о прекращении перевозки товаров по Крыму! Зато неприятель на другой же день после высадки отбил 400 пар волов, везших в Севастополь муку и спирт!..»

В эти сентябрьские дни союзники высадили на берег Крыма более шестидесяти тысяч человек! А у русских оказалось в разных частях от Карпат до Севастополя немногим более пятидесяти, собрать которые воедино для скорой битвы, увы, не представлялось возможным.

До 20 сентября, когда союзники подошли к речке Альме, в Петербурге царил настоящий душевный подъем. Князь Михаил Павлович Голицын писал Меншикову: «Это несчастье, что никто не хочет войны, а Россия нуждается в войне!». Великосветская дама графиня Блудова, приближенная ко двору, говорила всем: «Россия нуждается в войне, и жаль будет, если Австрия не осмелится начать войны против России. По крайней мере мы уж разом со всеми супостатами и справимся без лишних отлагательств: и с Францией, и с Англией, и с Турцией, и с Австрией!». И все это слушал и слушал царь Николай Первый, и, несомненно, ободрялся подобными речами.

И это продолжалось даже тогда, когда англичане и французы внезапно оказались у берегов Крыма...

19 сентября 1854 года князь Меншиков встал со своей армией на берегу Альмы, а 20-го французы и англичане первыми вступили в бой. Увы, главнокомандующий не знал толком ни местности, ни того, что будет делать в ближайшие часы. Русские частью встали так, что позволили не только пехоте, коннице и наземной артиллерии врага ударить по себе, но и открыли себя для дальнобойных корабельных пушек вражеского флота. Но об этом они узнают не сразу. «Неприятель со страшным флотом и с огромным войском стал приближаться к нам, — писал один из участников этой битвы. — У каждого из нас дрогнуло сердце при виде стройно движущейся бесконечной массы войска».

Но, благо дело, русская артиллерия уже успела занять удобные позиции и встретила шквальным огнем французов и англичан. Только команда «огонь» была дана слишком рано, и большая часть артиллерийских запасов оказалась потрачена впустую — ядра и картечь не долетали до идущего вперед врага. А потом англичане и французы стали ложиться сотнями под русским огнем, но никто не дрогнул. Ряды смыкались, места убитых и раненых занимали живые. Но только французы и англичане подошли на необходимое расстояние, тут и началось избиение русских полков. Союзники пустили в ход свои легендарные штуцера, бывшие в два-три раза дальше русских гладкоствольных винтовок. А с моря стали палить подошедшие корабли. Один только Минский полк, неосмотрительно поставленный близ моря, был уничтожен в течение десяти минут. Когда же русская артиллерия получила полную возможность нанести неприятелю непоправимый ущерб, по рядам понеслось: «Кончились снаряды!». Это был и позор военных снабженцев, и страшное и непоправимое разочарование для бойцов.

Самую важную и выгодную позицию в этой битве, на прибрежных приморских возвышенностях, князь Александр Меншиков отдал защищать генералу Кирьякову с его 17-й пехотной дивизией. Это была практически природная крепость. Дивизия имела все возможности долго и удачно вести бой с наступающим противником. За глаза о Кирьякове говорили, что он пьяница и лишен каких бы то ни было полководческих способностей. Но князю Меншикову были по вкусу генералы, которые не могли обойти его талантами. Правда, такие военные были хороши только в мирное время, в часы застолий, когда от их приказов не зависели жизни тысяч людей. Кирьяков должен был стоять на высоте и встретить врага огнем батарей. Еще прежде Кирьяков самоуверенно бросил: «Да я на подъеме и с одним батальоном их шапками закидаю!». У моста через Альму русские в меньшинстве яростно отбивались от французов и не сдавали позиции. Они знали, что за их спиной полки Кирьякова и русская артиллерия. Каково же было их страшное изумление, когда с высот, которые должны быть своими, по позициям отбивавшихся русских ударили французские пушки ядрами и картечью! Но прежде не менее удивились сами французы из передовых отрядов, когда, поднимаясь трудными горными тропинками, не встретили сопротивления. А когда взобрались на гору, то не обнаружили там вообще никого! Русских на самом ответственном посту не оказалось! Позже узнали, что Кирьяков без каких-либо причин отдал приказ сдать позиции. Его обнаружили в одной из лощин, одного и пешего. Он твердил только одну фразу: «Лошадь подо мной убили! Лошадь убили!..» Увидевшие его офицеры поняли: генерал был пьян. После сдачи его высоты русские, охваченные огнем с двух сторон, стали медленно отступать. Но куда отступать в случае поражения, они не знали. Главнокомандующий князь Меншиков даже не определил пункта сбора, а должен был это сделать, чтобы не внести еще больший хаос в случае неудачи.

Почти все части отступали с достоинством, открыв спины штуцерам французов, смыкали ряды за убитыми. Просто уходили в никуда. Но некоторые бежали, и конные, и пешие, потому что шквальный огонь с занятых высот и окрестных равнин безжалостно выкашивал русских. Они и ответить не могли – ряды их редели, снаряды у пушек закончились, гладкоствольные ружья не могли достать врага. Было ясно: битва проиграна. Именно тогда, понимая весь позор своего командования, князь Меншиков и отдал свое знаменитое распоряжение офицеру своего штаба, Грейгу, немедленно ехать в Петербург. «Что мне донести государю?!» – спросил тот. «Донесите о том, что видите сами, – кивнул Меншиков на отступающих в спешке, а то и немногих бегущих русских солдат. – Вот об этом донесите его величеству!». Он, опытный царедворец, именно так решил перестраховаться, и у него это получилось. Через семь дней Грейг влетел в Гатчинский дворец и рассказал о проигранной битве. Николай Первый заплакал и попросил сообщить подробности. Тут молодой адъютант Грейг, прежде не выдававший подобных баталий, в красках рассказал те эпизоды, что видел сам. «Замолчите! – рявкнул на него вдруг оживший всем своим сердечным гневом царь. – Идите и проспите, офицер!» Он не желал верить в позорное отступление при Альме, и не желал весьма справедливо. Были и другие вестники от главнокомандующего: поначалу курьерам было велено ехать в Гатчину в обход Петербурга, дабы не было утечки сведений. Князь Меншиков всячески постарался оградить себя и своих генералов от расплаты и писал, что войска сражались плохо. Но это была предательская ложь! При чудовищном командовании, при том что русских было почти вдвое меньше, битва оказалась героической.

Русские не понимали, почему французы не преследовали их в тот день. Но главнокомандующий Сент-Арно не дал приказа преследовать, потому что решил, что под Альмой им дал бой лишь авангард русской армии в Крыму. И что основные силы поблизости, может быть, в двух шагах! Никто не догадывался, что это и была практически вся сухопутная русская крымская армия! На тех прибрежных высотах, стреляя в спины русским, французы даже не думали идти за ними. И потом еще два дня пили вино за победу над авангардом

противника! А какая была разница в потерях?! Русских погибло более шести тысяч, французов, вооруженных куда лучше, да с поддержкой флота, всего на тысячу меньше. Но сколько русских осталось умирать ранеными под теми высотами? Их просто не смогли взять под шквальным огнем. Сотнями, истерзанные пулями и картечью, они корчились вдоль военных дорог того дня. И все же князь Меншиков сумел отговориться перед лицом государя – и ему лишь высказали всемилостивейшее сожаление о проигранной битве. И не был наказан за свои необъяснимые и преступные действия генерал Кирьяков, и все понимали почему. Ведь его назначал Меншиков, и светлейший также убедил государя, что было оправдание у его генерала бросить высоты.

Это поражение легло траурной тенью и на царский дом, и на всю Россию. Так бойко храбрились и ни во что не ставили противника, и вдруг такое? Более других пали духом славянофилы во главе с Сергеем Аксаковым: «Бог отступился от нас, – писал он. – Уже очевидно, что у нас мало войск в Крыму, что мы не были готовы встретить неприятеля, и, по моим соображениям, вскоре мы можем потерять и Севастополь, и весь Черноморский флот. А все потому, что мы отступились от святого дела веры и своих братьев». Это он говорил о том, что русская корона так мало делала для освобождения балканских славян!

Умным людям в России стало ясно: к войне страна готова не была и вступила в нее глупо, как вступают в болото, думая, что это всего лишь зеленый луг.

Тем временем, пока Россия полнилась слухами, князь Меншиков, зализав раны в Севастополе, взял и увел армию из города, оставив его с крохотным гарнизоном под командованием адмирала Владимира Алексеевича Корнилова. Адмирал Павел Степанович Нахимов, зная, что его товарищ Корнилов прекрасный организатор, с радостью согласился подчиняться ему. Севастополь был защищен плохо, особенно с северной стороны, это знали все. Еще за полгода до высадки союзников у Евпатории, Корнилов предоставил Меншикову проект по укреплению города, но светлейший князь по непонятным причинам отверг это предложение. С другой стороны, князь ведь и думать не хотел, что враг окажется в Черном море, и говорил об этом всем и каждому!

С полей у Альмы главнокомандующий, князь Меншиков, привел в Севастополь израненную, истощенную армию. Корнилов позже писал: «Ни госпиталей, ни перевязочных пунктов, ни даже достаточного количества носилок для раненых не было, и этим объясняется огромное количество тех солдат, которых оставили на поле сражения...»

Более двух тысяч израненных солдат мучились и умирали прямо на Севастопольской земле, под открытым небом. Хорошо, Нахимов вспомнил, что у него было восемьсот тюфяков, приготовленных для матросов, их и принесли самым тяжело раненым солдатам.

Но прежде чем уйти с уцелевшими полками из Севастополя, Меншиков на совещании дал приказ, от которого адмирала бросило в дрожь.

– Я приказываю вам, Владимир Алексеевич, затопить эскадру на Севастопольском рейде.

Затопить в бухте русские корабли, чтобы не прошли корабли англичан и французов, это, конечно, была идея здравая. Но только с одной стороны. Потому что затопление означало гибель черноморской эскадры и невозможность воевать на море. Наконец, флот союзников мог курсировать вдоль всего побережья и обстреливать тот же Севастополь с другой стороны.

– Я этого не сделаю, Александр Сергеевич, – ответил адмирал. – Я сам выйду с эскадрой в море и дам бой.

Он просто хотел достойно погибнуть, как русский офицер и моряк. На флагманском корабле, у берегов родного города, взяв с собой побольше врагов.

– Нет, адмирал, вы этого не сделаете. А если попытаетесь мне противиться, тогда я отправлю вас губернатором в Николаев. – Князь нервно усмехнулся. – Сегодня же и отправлю, Владимир Алексеевич. И попробуйте мне не повиноваться.

– А коли не повинуюсь?

– А коли не повинуетесь, вновь мне воспротивитесь, посажу под арест и отправлю в Петербург, как заключенного. Корабли приказываю затопить немедленно.

Понимая, что обстановка накаляется, вмешался адмирал Нахимов:

– Мы затопим корабли на рейде, генерал. Приказ будет выполнен.

Корнилов сдался. И он, и Нахимов знали наверняка, что потеря одного из них окажется непоправимым ударом для всего Севастополя и его жителей. Им надо было держаться вместе. Наконец, когда-нибудь, если город останется жив и будет в руках России, корабли можно построить и новые.

Уходя, хитрый Меншиков оставлял город сразу на двух адмиралов. Другие бы рассорились в пух и прах. Но два великих флотоводца и мудрых человека поделили свои обязанности. К тому же на тот момент в Севастополе был и третий выдающийся человек – гениальный русский фортификатор Эдуард Иванович Тотлебен. Втроем, сразу после ухода Меншикова, они и взялись за дело.

На рассвете 11 сентября началось затопление кораблей черноморской эскадры. С просверленными днищами суда один за другим стали уходить под воду. Моряки плакали, стоя на берегу и отдавая честь прошлой славе своих боевых кораблей. Но город тем не менее укреплялся артиллерией, снятой с кораблей, и гарнизоном.

Счет шел на часы. Все ожидали штурма. Корнилов, Нахимов и Тотлебен практически не спали. 14 сентября вышло знаменитое обращение Нахимова к экипажам своей затопленной эскадры. Вот что он писал: «Неприятель подступает к городу, в котором мало защитников, поэтому я приказал затопить суда и присоединить экипажи с abordажным оружием к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый будет драться как герой. Нас соберется до трех тысяч. Сборный пункт на Театральной площади».

Корнилов руководил всеми работами в Севастополе, Нахимов создавал новые батальоны и полки из экипажей, Тотлебен в срочном порядке восстанавливал фортификацию военного города. И все это происходило в ежедневном, даже в ежечасном ожидании штурма Севастополя.

Но суда были затоплены не все. И тут сыграл великую роль его величество случай. Позже Корнилов написал в дневнике: «Должно быть, Бог не оставил еще России. Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошел на Севастополь, то легко бы завладел им». А вот что писал Нахимов: «Первая моя просьба к государю по окончании войны – отпуск за границу. Так вот-с, поеду в Европу и назову публично ослами и Раглана, и Канробера».

А дело было так. Главнокомандующий англичан, лорд Раглан, был не самым выдающимся военным и хорошо понимал это. Он боялся тотчас же после победы ввязываться в новую битву. Его осторожный генерал Джон Бергойн высказал свое мнение о штурме Севастополя. А поскольку дело шло на часы, выслушав его, Раглан без промедления послал в ставку к французам своего адъютанта. Пятидесятивосьмилетний маршал Франции и друг императора Наполеона Третьего, Леур де Сент-Арно, легенда французской военной машины, прошедший огонь, воды и медные трубы, уже умирал от лихорадки. И знал о приближении конца. Он был стратегом, но теперь мысли его путались, интуиция полководца изменяла. И он старался быть осторожным в своих решениях. Тем паче он видел героизм русских солдат у Альмы, на что они способны, защищая свою землю. Лежа на кушетке, истекшая потом, он продиктовал письмо Раглану: «Сэр Джон прав: обойдя Севастополь и напад

на него с юга, мы будем иметь все наши средства в нашем распоряжении при посредстве гаваней, которые находятся в этой части Крыма и которых у нас нет с северной стороны».

Судьба распорядилась именно так. Штурм был отложен, и это дало спасительную фору русскому городу-крепости Севастополю. Еще через несколько дней маршал Сент-Арно умер, и его место занял малоинициативный бригадный генерал Канробер, походивший своими полководческими достоинствами на лорда Раглана. Это был еще один спасительный козырь для русской армии в Крыму.

А 5 октября со страшной бомбардировки начался штурм Севастополя. Но город уже был укреплен и не желал сдаваться. Корнилов, Нахимов, Истомин и другие генералы в этот день ходили под пулями, весь день оставаясь на батареях. Ядра летали над их головами, их мундиры заливала кровь артиллерийской прислуги. Еще накануне адмирал Корнилов передал через адъютанта свои часы сыну, который оставался в Николаеве, сказав: «Не хочу, чтобы попортили». На Малаховом кургане, в полдень, его смертельно ранило в живот ядром. Когда вскоре адмиралу донесли, что английские и французские осадные батареи сбиты и штурм провалился, он прошептал: «Ура, ура!», – и тотчас же скончался.

Именно так, с Альмы и штурма Севастополя, и начиналась уже Крымская кампания 1854 года. Высадка англо-французских войск у Евпатории заставила русских пересмотреть всю диспозицию их войск. Теперь взгляды Европы и России должны были устремиться на Крым. Именно туда, на землю древней Киммерии, с Балкан в октябре месяце и был направлен главнокомандующим южной армией Михаилом Горчаковым в помощь Меншикову корпус генерала Данненберга. Он состоял из двух дивизий под командованием генералов Соймонова и Павлова, в одной из которых, в Охотском полку, служил Петр Алабин...

7

Путь из Дунайских княжеств на юг России был не самый близкий: впереди Одесса, Николаев, Херсон, Перекоп. Корпус Данненберга выступил в поход 3 октября, за два месяца до провалившегося штурма Севастополя, и никто толком еще не знал в армии, как сложилась судьба черноморского города-порта.

Тридцать тысяч человек, с артиллерией и обозом, двигались скорым походным маршем: немного сна в гигантском палаточном лагере под открытым небом, хлеб да перловая каша – и снова в путь. Шли по теплой Бессарабии, по ее пыльным бескрайним дорогам, под пронзительно синим небом октября...

Командир роты Алексей Черенков поглядел на двух своих офицеров: штабс-капитана Петра Алабина и поручика Павла Гриднева. Они ехали верхом, не спеша; рядом шумно и бойко топала их рота. Тучная серая масса людей сзади, такая же перед глазами. Погляди шире – полк, а там и целая бригада. А поднимись соколом – вот она и вся армия ползет гигантской серой гусеницей прямехонько в Крым. А прислушайся – гул, как от пчелиного роя. До боев далеко, впереди дорога! И дальняя – в сотни верст! А в дороге престало петь: строевые и задорные. Это что командир прикажет!

– Вы, Алабин, я слышал, Венгерскую кампанию одолели? – спросил Черенков.

– Так точно, Алексей Михалыч, – кивнул тот. – За революционерами охотился.

– И как, удовольствие получили?

Алабин переглянулся со своим товарищем Гридневым. Его он знал дольше Черенкова. Тот улыбнулся.

– Нет, Алексей Михалыч, не получил, – покачал головой Алабин. – Венгры были достойны свободы, а мы туда пришли пороть их по-русски, по-помещичьи. Малое удовольствие, скажу я вам. И в глаза я их насмотрелся: ненависти там было к русским, ой, как много!

– Ясно, – кивнул Черенков. – Я в те годы на Кавказе был. За абреками гонялся, мать их растак. Мы за ними, они за нами. Так что мне повезло, слава богу. Неохота европейцев-то мучить!

– Это верно, Алексей Михалыч. А пришлось нам, к великому несчастью, много чего натворить. Вот и думай, как Бог распорядится после того нами...

– Бог милостив, глядишь, и простит, – вставил его товарищ Павел Гриднев. – Вот побьем турков, Он и смилуется!

Теперь они могли так разговаривать – и об австрийцах, и о Венгрии. Шутить на подобные темы. Но только теперь. Нынче австрийцы превратились из сердечных друзей в коварных недругов. И русская корона не удивилась, если бы вдруг, за спиной русской армии, и без того подготовленной не лучшим образом, оказалось бы австро-венгерское войско. Но семь лет назад все было иначе! Австрийской империей столетиями правили Габсбурги. Основу нации составляли немцы, но их было не более четверти в империи. Помимо самой Австрии Габсбургам также принадлежали Богемия и Венгрия, Хорватия и Трансильвания, Галиция и частично Италия. И повсюду шла германизация народов «второго сорта», ущемлялись их национальные права. И вот Венгрия созрела для того, чтобы выйти из-под австрийской власти, создала повстанческую армию, которую возглавили венгерские дворяне-патриоты. Тут австрийский император Франц-Иосиф, затрепетавший перед перспективой развала своего большого наследства, и обратился к русскому императору Николаю Первому за помощью. А Николай, как известно, ненавидел все революции, какие бы они ни были: буржуазные, санкюлотские или национально-освободительные, по-венгерски. Одно слово «революция» уже оскорбляло слух нетерпимого и грозного императора! И он послал на территорию Венгрии двухсоттысячный корпус своего фаворита и учителя, героя Бородина генерала Паскевича.

Именно в эту баталию, которая, говорить честно, была позорной для русской короны, и угодил молодой еще унтер-офицер Петр Алабин. Хотел же он воевать? Вот и получил войну. Только эта война другой выходила. А так хотелось походить на своих героических предков!..

Дед его, Антон Герасимович, воевал под знаменем Суворова, отец, прапорщик Владимир Алабин, хоть и был на гражданской службе, в 1812 году вступил в армию и дошел до Парижа, откуда привез жену-француженку. Это была настоящая любовь, потому что Владимир Антонович был русским дворянином, а жена его просто парижанкой. Алабины гордились своим дворянским гербом и прошлым фамилии, потому что веками несли службу русскому престолу.

После коммерческого училища, по милости императора, 1 апреля 1843 года Петр Алабин был зачислен в Тульский егерский полк, а через три года в чине подпоручика переведен в Камчатский егерский полк.

23 апреля 1849 года перед полком был прочитан грозный приказ. Его зачитывал громовым голосом генерал-штабист с пунцовым лицом и дрожавшими от гнева тяжелыми щеками.

— Бродяжническая шайка злонамеренных людей сначала тайно, развратом неопытных умов, прельщением их своеволием, — его и самого всего потряхивало от праведного гнева, — вооружила наконец явно в некоторых государствах легкомыслящих и нетвердой нравственности людей против правительства. — Он говорил и то и дело глядел на них, солдат и офицеров: как доходит, до кого доходит, — и сии заблуждающиеся, в ослеплении своем, произвели народные бедствия!..

Первого мая Камчатский полк в составе корпуса генерал-фельдмаршала Паскевича вступил на территорию Венгрии. На какое-то время царское воззвание вдохновило его. Но это чувство угасло очень быстро. Ему приходилось стрелять в простых венгров, видеть лица пленных. Эти люди смотрели на русских с ненавистью. Русские проходили все дальше по землям Венгрии, где австрийцы веками мучили местное население, не считая его равным себе. А теперь к этим мучениям еще прибавилось вторжение России, и они, русские каратели, говорили венгерским революционерам: «Мы вам не австрийцы, мы вас поучим драться!» И учили, и мучили. И что самое непонятное, что мучили свободных венгров крепостные русские мужики, которые должны были двадцать пять лет драться где-то и за что-то, за что и сами толком не знали.

Петр Алабин все чаще вспоминал последнюю строку того зачитанного им, уходящим на войну, приказа: «Бог благословит наше доброе дело!»

Позже он напишет в своем дневнике: «Признаться, не раз приходилось украдкой утирать слезы, когда, например, почтенная старушка, мать арестованного, бросалась перед нами на колени и обхватывала наши ноги, умоляя пощадить ее единственного сына, или когда мы были вынуждены отстранять молодую женщину, в истерическом припадке вцепившуюся в мужа, которого уводили от нее. И все это при раздирающем душу плаче и крике нескольких малюток, перепуганных нашим появлением». Однажды он даже отбил венгерскую семью у двух своих же казаков, которые хотели ограбить крестьян, арестовал мародеров и отдал их под суд.

Все это было горько, несправедливо, отвратительно.

В августе 1849 года революция была подавлена, а в сентябре они вернулись домой. Но Петр Алабин понимал, что худшее для многих венгров еще впереди, потому что теперь придут австрийцы и будут мстить тем, кто не захотел жить по их законам.

— Мы, Алексей Михалыч, бросили в сердца венгров семена неприязни, а может быть, что скорее всего, и ненависти, — управляя лошадью, сказал Петр Алабин ехавшему рядом капитану Черенкову. Он думал, договорить ему начатое или оставить при себе. Все же решился. — Исполнили свое призвание: лишили самостоятельности бытия и заковали в цепи

единственный еще опасный нам народ на берегах Дуная. И события эти, увы, достойны вечного сожаления.

– Спорить не буду, – помолчав, кивнул капитан роты.

Алабин с грустью улыбнулся: он вспомнил, как совершил отчаянный поступок, уходя из венгерских земель. У одного из революционеров, которого арестовали, взял из его дома бюст лидера венгерской революции Лайоша Кошута, который был и премьер-министром, и президентом Венгрии в эти два года борьбы. Один из старших офицеров по дороге в Россию случайно увидел этот бюст, нахмурился: «Кто таков?». «Немецкий философ, фамилию только забыл», – ответил он. «А-а, – протянул старший офицер. – Вы не больно-то немчурой увлекайтесь, Алабин, они и до греха довести могут!»

– Что улыбаетесь? – спросил Черенков.

– Так, припомнилось, – ответил Петр Алабин. Об этой подробности он не стал бы рассказывать и верным сослуживцам. Не поняли бы! – Ну да дело прошлое, хотя воспоминаний много! – Алабин задумался, покачал головой. – Напишу об этом однажды, о многом напишу...

– Неужто писателем стать хотите?

– Если выживу – дорог впереди много. – Он взглянул на Гриднева. – Разве не так, Паша?

– Так, Петруша, так, – откликнулся командир взвода Павел Гриднев. – Только сначала выжить надо! Дай-то нам Бог удачи!

8

Пока тридцатитысячный корпус генерала Данненберга полз в сторону Крыма, там на все лады громко и счастливо понеслось одно звучное слово: «Балаклава!» Русские войска в Крыму, совсем потерявшие боевой пыл, повторяли его как заклинание: «Балаклава! Балаклава!»

Бывают сражения обдуманые, стратегически просчитанные, а бывают спонтанные, по порыву воинственной полководческой души. Что касается последних, Наполеон Бонапарт говаривал: «Вмешаемся в битву, а там посмотрим!» Но чтобы вести такие сражения, и нужно быть Наполеоном! Необходимо иметь звериное чутье, чтобы распознавать все сильные и слабые стороны противника, предугадывать каждое его движение, каждый последующий шаг.

Если такого чутья нет, то и дергаться не стоит!

А это было даже не сражение, а безжалостное избиение англичан. И не простых пехотных полков, пушечного мяса в любой войне, а легкой кавалерии, состоявшей из отпрысков избранных аристократических семей объединенного королевства. В тот злосчастный для Европы день голубой кровью умылась крымская земля. Огласка этой катастрофы вызовет великую скорбь в сердцах всей английской аристократии и станет одним из главных военных скандалов девятнадцатого века...

А все было так: турки, стоявшие в четырех редутах по двести пятьдесят человек в каждом, оставили высоты Балаклавы под натиском русских войск, выступивших скоро и внезапно. Солдаты Порты бежали так поспешно, что бросили на холмах свои пушки, за что разъяренные шотландцы едва не перекололи штыками своих союзников. Главное, важные позиции оказались потеряны. Именно в эти часы в командовании англичан и произошло роковое недоразумение.

Лорд Фицрой Сомерсет Раглан, пятый сын герцога Бофорта, главнокомандующий английской армией, человеком был смелым и харизматичным. Когда-то он служил военным секретарем знаменитого Артура Веллингтона, которому сам Наполеон отдал шпагу, и женился на его племяннице. При Ватерлоо Раглан потерял правую руку по самое плечо, что стало для молодого офицера великой трагедией. Но он не пал духом! Тяжелое увечье подтолкнуло его даже к изобретению нового покроя сюртука, а именно рукава, который позже назвали его именем. Вверх Раглан шагал уверенно и смело даже с одной рукой. Он оказался хорошим военным администратором, но не полководцем, и сам знал об этом.

Но проявить-то себя порой так хотелось!

И вот лорд Раглан, держа в левой руке подозрную трубу, разглядел, как эти русские стаскивают с позиций отнятые у турок пушки.

– Генерала штаба Эйри ко мне! – приказывает он адъютанту.

Прибывает Эйри.

– Генерал, – говорит Раглан. – Мой приказ. Пишите... Лорду Лекэну приказываю легкой конницей идти во фронтовую атаку на позиции русских и отбить потерянную турками артиллерию. Батарея конной артиллерии может сопровождать. Французская кавалерия на вашем левом фланге. – Командующий французской армией генерал Канробер гостил в эти часы в лагере союзника – и был лишний повод показать ему, на что способны храбрые англичане! Лорд Раглан раздумывал недолго и добавил: – Исполнить немедленно.

Побледнев, но не подав виду, лорд Эйри записал последнее слово, подозвал офицера своего штаба 15-го гусарского полка капитана Нолэна, и военного, и популярного публициста в одном лице, и отдал ему записку. Вскочив на коня, капитан, даже не представляя, вестником какого черного невежества и преступной глупости является, рванул во весь опор к

командиру английской конницы. Через четверть часа у походного шатра лорд Лекэн прочел приказ главнокомандующего.

Он тотчас изменился в лице и прошептал:

– Это же безумие?!

Но, взглянув на непроницаемое лицо Нолэна, который только нахмурился, понял, что капитан ни о чем не подозревает. Тогда Лекэн велел позвать к себе командира легкой кавалерии лорда Кардигана. Еще через пять минут лорд Кардиган, командир привилегированной драгунской бригады, именуемой в армии «Бригадой легкой кавалерии», в состав которой входила вся знать королевства, узнал, что ему предстоит сделать. Он подкрутил свой тонкий черный ус и холодно прищурил правый глаз.

– Нас посылают на три батареи русских? – поглядев на начальника объединенной кавалерии, как всегда бесстрастно спросил он. – Но этого быть не может, сэр.

– Но это так, – ответил ему начальник.

– А что же... пехота? – по-прежнему хладнокровно спросил лорд Кардиган. – О ней даже не упомянуто в этой записке?

По всем правилам военной тактики подобная атака конницы должна была сопровождаться поддержкой пехоты и артиллерии – это было известно обоим командирам.

– Увы, граф. Ни слова, – покачал головой лорд Лекэн. – У нас нет выбора – это приказ: остается только повиноваться. – Он улыбнулся с горечью. – И я поручаю это предприятие вам. Заранее простите меня, граф. Просто вы – лучший.

Лорд Кардиган вытащил из ножен саблю и, приблизив лезвие к лицу, отсалютовал ею.

– Храни вас Господь! – кивнул ему Лекэн.

В этот день, тринадцатого октября 1854 года, им предлагали совершить чудо!

А точнее, пойти на верное самоубийство...

Большинство легких кавалеристов в лагере англичан, прибывших в Крым – завоевывать варварский край, сохранили душевный подъем паладинов прошлых веков. В этот час они даже не успели понять, что им угрожает. И что жизни их – столь дорогие родному острову! – так стремительно приближаются к концу. Через пять минут капитаны молчаливо разлетелись по своим сотням и тогда же бойко завывали медные трубы горнистов, призывая бригаду легкой кавалерии немедленно готовиться к атаке.

Время приближающейся трагедии под Балаклавой пошло на минуты...

В 11 часов 20 минут лорд Кардиган выехал вперед на черном скакуне Рональде, призере Ипсомских скачек, и скомандовал:

– Бригада легкой кавалерии идет в наступление! Первый эскадрон семнадцатого уланского полка – направляющий! Изо всех сил держать строй!

И лично занял место в первом ряду, как и прочие, растянувшись по всему фронту. Все происходило на безымянном крымском поле у гор и селений с тяжелыми для европейца названиями, но которым вскорости суждено будет стать известными всей Европе.

И вот уже стройные сотни кавалеристов в богато расшитых красных мундирах, качнувшись вперед, пошли шагом, набирая темп, ускоряя аллюр, а потом уже ветром полетели к русским редутам. И чем дальше, тем бешенее неслись они навстречу неумолимому року!

– Красавцы! – не скрывая восхищения, вымолвил тогда лорд Раглан. Его штабисты с тем же восхищением и предчувствием чего-то страшного наблюдали за этой картиной. – Я решил верно, господа: пусть впереди будет легкая кавалерия! Клянусь памятью короля Георга Первого, они быстрее тяжелых кирасиров Скарлетта доберутся до русских и накажут наглецов! – Держа подзорную трубу в единственной руке, оставленной ему Наполеоном Бонапартом, лорд Раглан взгляда не мог оторвать от несущейся лавины всадников, под которыми от конского стука копыт сотрясалась земля. – Ну какие же красавцы эти рыцари Кардигана!

Зрелище, на первый взгляд, и впрямь было восхитительным – роскошные всадники на роскошных конях стремительно преодолевали расстояние, несясь по долине. Боевые кони «рыцарей Кардигана» так и взрывали копытами сухую крымскую землю! Еще пройдет полчаса – и этих всадников, летящих навстречу смерти, раз и навсегда назовут «бешеными кавалеристами», а саму безымянную долину – «Долиной смерти».

Русские, изрядно оснащенные артиллерией, стояли углубленной подковой между селением Кадыкойей и Федюкиными высотами, когда увидели, что подняв пыль, прямо между ними по-бычьей прет – неясно куда и непонятно зачем – не менее тысячи англичан – целый осиный рой! Увидели это и те немногочисленные русские, что недавно выставили турок из четырех редутов, а теперь решили спешно увезти орудия. «Пушки на позиции! – заревели пехотные русские офицеры. – Быстрее, ребята! Быстрее, родные! Силушки не жалейте! Фортуна уйдет! Опоздаем, изрубят всех к чертовой матери!» Солдаты, напрягая жилы, заторопились, оборачивая жерла недавно турецких пушек, отданных так беспечно и глупо противнику, на приближающихся англичан.

– Они что, обезумели? – спросил в эти минуты командующий французским штабом генерал Боске, накручивая подзорную трубу и еще не веря своим глазам. – О чем думает Раглан?! И почему молчал Канробер?! Он же там, черт возьми!

Войска французоз, как кавалерия, так и пехота, стояли слева от англичан, и Боске мог легко видеть спины союзников в красных мундирах, что сейчас на дорогах боевых конях уходили вперед – прямо на пушки русских. Моложавый бригадный генерал Пьер Боске, долго воевавший в Алжире, был самым популярным генералом во французском военно-экспедиционном корпусе.

– Это же смертники, – только и добавил он, окруженный своим штабом. – Храни их Господь!..

И вот первые аристократы королевства, солдаты лорда Кардигана, влетели в котел, уже поставленный на огонь, готовый вот-вот закипеть, расплескивая кровавую похлебку...

Русские ненавидели англичан – и было за что! Они, как и французы, пришли не просто захватчиками на их землю, а союзниками нехристей турок – вечных врагов всех без исключения славянских народов. Последних турки столетиями уничтожали на захваченных территориях без пощады или уводили в рабство. Со стороны англичан это было оскорбительно, преступно и прощению, по мнению русских солдат и офицеров, не поддавалось. А еще не могли простить русские бомбежки Севастополя, когда под огнем и завалами погибали не только солдаты, рожденные для победы и гибели, но и мирное население крепости: старики, женщины и дети. Поэтому с особым чувством ждали русские батареи несущуюся на них кавалерию англичан, с особым азартом грудились пехотные полки в зеленых мундирах у селения Кадыкойей и у подножия Федюкиных высот.

– Ждем! Ждем! – еще не веря в такую удачу, говорили русские офицеры-артиллеристы, нервно глядя в подзорные трубы.

Это был редкая ситуация, когда старшим офицерам двух военных станов не надо было спрашивать у высшего начальства начинать битву или нет – все и так было ясно!

ФОРТУНА!

Одним из первых, – в первой же линии с семнадцатым уланским полком, пока еще державшим пики вертикально, – летел на отнятые у турков редуты и сам бригадир Кардиган на черном скакуне Рональде. Граф справедливо решил, что честь не позволит ему укрыться за спинами своих кавалеристов. Да и не укрыться тут было никому! Он уже готов был услышать первый перекрестный залп русских пушек и принять смерть, дай бог, чтобы скорую! Слева от него летел и капитан Нолэн, привезший «черную» весть от лорда Раглана.

Когда они были в самой середине котла, Кардиган выхватил из ножен палаш и громко скомандовал:

– Сабли наголо! Пики вперед!

Переключка капитанов пошла по рядам, и тут же опустились длинные копыя улан, с ледяным стальным звуком вылетели палаши английских кавалеристов – драгун и гусар – из ножен.

А в рядах русских артиллеристов, у растянувшихся батарей, уже дымились запалы. Но офицеры все еще твердили: «Ждать, родимые, ждать!..»

Но ждать оставалось считанные секунды...

И вот котел закипел – стремительно и страшно! Первыми не выдержали бывшие турецкие бастионы, не на шутку испуганные вырастающей перед ними лавиной англичан, готовой смести все на своем пути, вслед за ними начали палить орудия с подножия Федюкиных высот, и уже потом – пушки Кадыкойя. Земля задрожала: перекрестный огонь, которого ждал граф Кардиган, обрушился со всем ожесточением на бригаду легкой кавалерии. По жестокой иронии судьбы первым погибшим англичанином оказался капитан и военный писатель Нолэн – осколком снаряда ему разорвало грудь и выбросило из седла. В будущем эта смерть окажется очень выгодной лорду Раглану и его штабисту – генералу Эйри: в один голос они станут утверждать, что капитан Нолэн забыл добавить от себя к записке, посылающей на смерть отпрысков первых аристократов Англии: «Атаковать русские батареи, если возможно». Но рассуждать об этом было уже поздно и бесполезно: ад для англичан разверзся! Вначале били снарядами – они тяжело и страшно рвались у конских ног, разрывая тела животных и людей, разметая их в стороны. Падающие кони давили всадников, кровавая конская требуха разлеталась по каменисто-песчаной крымской земле, в кровавой жиже ползали и стонали первые умирающие гвардейцы.

Уланы семнадцатого полка, ставшие первой линией нападавших, поймали свою удачу – они миновали фланговую бомбежку с Кадыкойя и подножия Федюкиных вершин – проскочили-таки! – и открылись только бывшим турецким редутам, стоявшим к ним во фронт. «Вперед, Мертвые головы, вперед!» – ревели уланы боевой клич своего полка. Всем – и англичанам, и французам, и русским, – запомнился сержант Талбот, потомок древнего аристократа Джона Талбота, еще с Генрихом Пятым ходившего на французов в Столетней войне. Пушечным ядром ему снесло голову – фонтан крови бил из открытой шеи, поливая других, скачущих за ним, англичан, и суровую крымскую землю. Но обезглавленный сержант все еще несли с саблей в руке, отчего-то не выпуская ее, сжав воистину мертвой хваткой, пока новый залп не разорвал и его лошадь, и его уже неживое и без того изуродованное тело.

«Картечью! Картечью!» – несло в рядах русских артиллеристов на бывших турецких бастионах.

А 17-й уланский полк, поредев лишь наполовину, все рвался и рвался вперед – ближе и ближе к русским. Сюда, к отвоеванному рубежу, уже скоро подходили пехотные роты и спешила кавалерия – стоило укрепиться, дать отпор бешеным англичанам. Не дай-то бог прорвутся!

А фланговая артиллерийская атака все продолжала и продолжала свою мясорубку – в фарш перемалывать ряды противника, даже не думавшего развернуть коней. Точно они уже были мертвы, стали призраками, эти родовитые англичане, что неслись вперед – на русские редуты. Много позже английский поэт лорд Альфред Тенниси, предок которого погиб в том сражении 13 октября, напишет знаменитое стихотворение, посвященное Балаклаве. Оно так и назовется: «Атака легкой кавалерии».

Там будут такие строки: «Пушки справа от них, пушки слева от них, пушки с фронта на них! Залпы, пламя и дым, крик и чад! Но под градом свинца и картечи, точно львы, несмотря на увечья, смерть презрев, оказались у врат, – подгоняемы роком, как в вечность, ворвались те шестьсот в этот ад!».

Котел битвы кипел неистово! Русские успели ударить картечью по 17-му уланскому полку, проредив его строй, но тем яростнее летели вперед англичане. Их уже ничто не могло остановить – остановить живых! Лорд Кардиган, у которого не осталось в груди никаких чувств, кроме бешенства и гнева, вытянув руку с палахом вперед, уже различал не на шутку встревоженные лица русских артиллеристов...

Шесть сотен 1-го Уральского казачьего полка дрогнули: из-за клубов пыли противник показался им куда более многочисленным! К тому же казаки распознали в противнике дьявольскую ярость без крупницы страха в сердце. Не выдержав, часть казаков повернула коней и бросилась прочь от позиций. Другая – выставила копья вперед, уже готовая принять сокрушительный удар. Но эти живые пока еще мертвецы, точно не заметив их, пронеслись мимо – в сторону редутов и артиллерии, которую им так легкомысленно приказали отбить.

Теперь это был принцип, а разве принцип не стоит жизни?

Лорд Раглан, не выпуская из единственной левой руки подзорную трубу, стоял неподвижно, точно окаменел. Он весь сжался, стал бледен и жалок. И были похожи на него офицеры его штаба. Раглан уже понимал всю катастрофу происходящего и теперь, наблюдая за избиением легкой кавалерии, строил планы того, как ему оправдаться перед Парламентом и короной. А на французских позициях генерал Боске отвел подзорную трубу от глаз и громко сказал офицерам штаба ставшую позже знаменитой фразу: «Это великолепно, но так не воюют! Это – безумие!» Бледный и растерянный, в свой стан прибыл генерал Канробер, нынешний главнокомандующий экспедиционным корпусом, и тотчас же вызвал к себе Пьера Боске.

– Вы можете спасти ситуацию, мсье? – спросил Канробер у бригадного генерала. – Это все Раглан – бездарный Раглан! – но мне жаль этих бедняг!..

– Дайте мне два егерских полка и я помогу этим храбрецам... и безумцам, – ответил Боске.

– Берите столько людей, сколько вам будет нужно, – кивнул Канробер. – Спасите хоть кого-нибудь из них! Я верю в вас, генерал! – добавил он вслед уже выбегавшему из шатра Боске, придерживающему у бедра саблю.

Через пять минут, давно готовые вступить в битву, два конных французских егерских полка сорвались с места и понеслись в сторону кровавой бойни, за ними следовали пехотные французские полки. И туда же спешила тяжелая кавалерия англичан – драгуны и гусары: Раглан поддался уговорам своего штаба спасти легкую кавалерию!

Лишь полсотни кавалеристов из 17-го уланского полка остались в живых – они и достигли батареи, накануне отнятой русскими у турок, но этот прорыв через ворота смерти и через ад лишил многих русских уверенности в своих силах. Англичане врезались в ряды русских гусар раскаленным клинком – и сумели яростью обратить часть из них в бегство. В чад и ужас битвы лорд Кардиган пронесся мимо русских гусар и влетел глубоко в ряды казаков, никак не ожидавших такого внезапного нападения. Он полоснул одного из них, другого, получил удар копьём в ногу и под крики: «Лови аглицкого офицера! Держи лиса! Хватай паскуду!» повернул коня Рональда и стремглав поскакал назад – через отступающих в замешательстве русских гусар. А конь его был хорош! И лорд Кардиган, молнией вылетев назад, выжил вновь!

Но положение в долине изменилось – и не в пользу русских. На помощь остаткам легкой кавалерии уже пришли французы! И подтягивались английские кирасиры! Русские бросились догонять и добивать англичан, но столкнулись со свежими силами противника. Кровавопролитная битва завязалась в самом центре долины. Немного спаслось легких кавалеристов из героической бригады Кардигана, и спасением своим они были обязаны генералу Боске. Русские отказались от долгого преследования, боясь сами попасть в засаду. Лорд Кардиган, проявивший в этот день чудеса храбрости, с ног до головы залитый кровью това-

рищей, обнаружил себя легкораненым в ногу только в своем родном стане – в английском лагере.

Он даже не сразу понял, что жив...

Атака русских редутов бригадой легкой кавалерии, кровавая баня и отступление на свои позиции заняло всего двадцать минут. Но за эти двадцать минут были разрушены жизни многих аристократов королевства. Лорд Раглан готовился к худшему, но вздохнул чуть свободнее, когда узнал, что капитан Нолэн убит.

Русские же ликовали: много полков наблюдало как с Федюкиных высот, так и с Кадыкой за избиением англичан! Бедные лошади еще долго метались по полю, раненых приканчивали, здоровых ловили и уводили казаки. Англичан не добивали – был дан приказ собирать их и доставлять в санитарный лагерь, но многие, с оторванными руками и ногами, распотрошенные, скончались от кровотечения по дороге.

Около тысячи бойцов, лучших из лучших, потерял в этот день английский экспедиционный корпус. Еще около сотни оказалось в плену. Было много жертв и среди русской кавалерии, но они были несопоставимы с погибшими англичанами.

Весь девятнадцатый век родственники погибших, самые богатые и знатные люди Великобритании, будут совершать сюда, в этот дикий и непонятный им край, паломничества, чтобы оплакивать на пустынном поле, поросшем виноградом, своих детей, отцов и дедов. Они будут смотреть на этот полудикий рдяной виноград и думать, что в нем есть частица крови близких им людей.

Но это будет позже, много позже...

9

Корпус генерала Петра Аркадьевича Данненберга прибыл в Крым именно в те дни, когда здесь праздновали недавнюю победу. О ней говорили все: и участники, и наблюдатели, и те, кто лишь услышал о ней. Главное, что теперь любая будущая битва уже воспринималась как победная – так истосковалась душа русского солдата по триумфу родного оружия!

– Это ж черт знает что такое! – широко шагая, придерживая у бедра саблю, уже в первый день военно-лагерной жизни говорил товарищу поручик Павел Гриднев. – Там с турками сладить не могли, а тут союзникам плетью да через всю жопу! – К вечеру с места недавнего побоища они возвращались в расположение Охотского полка. – А что ж англичане-то, как малые дети? Прямо на пушки?! Я о них лучше думал! Слышишь, Петр?

Кроваво-алое небо секли вечерние синие облака. Позади оставались Федюкины высоты. Прибывшие офицеры считали за правило и честь побывать на этом страшном для англичан поле. Трупы уже собрали и похоронили, но там еще повсюду была кровь. Она глубоко пропитала эту землю. Валялись еще клочки рваных английских мундиров, изломанные ядрами и картечью оружие, в котором уже не оставалось толку. Кругом зияли воронки. Вот и два молодых офицера обошли это поле, представляя себе, как все было тут совсем недавно.

– Жаль только, нам этого пирога не досталось, – кивнул Петр. – Фельдмаршал Паскевич уже не вернется. Даст Бог, новые командиры и для нас битву устроят. Я второго такого сидения, как под Силистрией, не вытерплю! Волком взвою!

Присвистывая, их догонял по каменистой дороге веселый казак на кауrom жеребце, держа за поводки еще двух коней – белого и гнедого. Казацкая борода была полурыжей-полуседой. Шапка заломлена набок.

Он поравнялся с молодыми людьми.

– Господа офицеры, вот на рынок собрался! А могу и повернуть назад, до своих! Не хотите двух лошадок приобрести, а? По сто рубликов уступлю!

– Дорого для нас, – замотал головой Петр Алабин.

– Да поглядите, поглядите! Хороши ведь, а?!

– Хороши-то хороши, откуда взял? – спросил поручик Гриднев.

– Так из долины привел! С Балаклавы. В тот день они по десять были, потом – по двадцать. Растет цена! На рынке по двести продам, да мне в часть надо поскорее. Вы приглянитесь только: чистой аглицкой породы! Лорды их холили и объезжали. Все в крови были, в чужой, господской! А теперь чистенькие, как младенцы! Сутки отмывал! Наездники их, как поросята резаные, в поле лежали. Ну, господа офицеры?! Берите!

Алабин и Гриднев переглянулись – лошади стоили много дороже и двухсот рублей, это было ясно, так платили бы и жалованье поболее, кто бы отказался!

– Нам безразлично: лорды или пэры, – сказал Петр Алабин. – Свои надежнее! Наши, крымские.

– Ну, как хотите, – поняв, что с этими молодыми офицерчиками каши не сварить, сказал казак. – Здравия желаю! И прощайте!

И припустил своего коня вперед, увлекая за собой и английских лошадок.

Петр Алабин вздохнул:

– Все равно мы – пехота, на что нам такие жеребцы? Нам и обычной лошадки хватит, чтобы за своими стрелками поспевать, а?

– Верно, – кивнул Павел Гриднев. – Вот были бы мы в Петербурге, да с дамами, вот тогда бы...

– Скатертью дорога, – бросил Алабин в сторону улетающего с трофеями казака. – Найдутся охотники!

В день Балаклавы именно казаки, дальше других преследовавшие англичан и не брезговавшие обогатиться за счет перебитых лордов, наловили сотни и сотни таких вот коней; скупщики, по слухам, брали их за десять, за двадцать рублей, а потом на рынках Крыма, куда военному человеку было добраться тяжело, продавали от двух до пяти сотен рублей. Хорош барыш, ничего не скажешь!

А тем временем весть о битве под Балаклавой уже неслась в Петербург, о котором грезили двое молодых младших офицеров, возвращавшихся в казармы.

Еще через день, не скрывая ликования, по залам Зимнего дворца будет нервно и счастливо ходить император Николай Первый и повторять: «Жаль, как жаль, что я не был там! Это победа, истинная победа! Теперь, теперь уже точно Меншиков должен дать битву, решающую битву! Должен, князь! Должен!..».

Именно для этой решающей битвы и перебрасывали войска с Балкан в Крым, потому что все уже знали: союзники готовят решающий штурм Севастополя. Его допустить было никак нельзя! Русским нужно было ударить высадившимся французам и англичанам, осадившим Севастополь с суши, прямо в тыл.

Ослабить, отвлечь.

Главные силы русские решили сгруппировать в районе древнего городка Инкерман, славящегося своими пещерами и развалинами старинных монастырей, высеченных в скалах...

Глава вторая

Битва при Инкермане

*Восстань, русский царь! Верный народ твой тебя призывает!
Терпение его истощается! Он не привык к такому унижению,
бесчестию, сраму! Ему стыдно своих предков, ему стыдно своей
истории... Ложь тлетворную отгони далече от своего престола и
призови суровую, грубую истину. От безбожной лести отврати твоё
ухо и выслушай горькую правду...*

***Из обращения Михаила Погодина к самодержцу Николаю Первому
после битвы при Инкермане***

*В героическом крике битвы они врезались в дым батарей и
выпотрошили наши ряды, но даже до того как потерять их из виду,
равнина покрылась их телами...*

***Уильям Ховард Расселл о русских, сражавшихся под Инкерманом.
Газета «Таймс» за октябрь 1854 года***

1

Главнокомандующий русскими войсками в Крыму светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков был подстать своему коллеге и врагу – лорду Раглану. Он не был ни искусным стратегом, ни военным человеком по натуре, для которого запах пороха – лучший аромат, а вид разорванных ядрами тел – любезная картина. Блестяще образованный, злой на язык, в молодости Александр Сергеевич слыл вольнодумцем и даже ратовал за отмену крепостного права. Он имел одну из лучших библиотек в Петербурге и на многих именитых вояк смотрел сверху вниз. Как и любой уважающий себя аристократ, в молодости пошел служить, был храбр, в боях под Парижем в Отечественную войну 1812 года был ранен, получил орден Святого Александра Невского и золотую шпагу. Приближенный Александром Первым, Меншиков взлетел-таки по карьерной лестнице, став в 29 лет в чине генерал-майора директором канцелярии Главного штаба. Более его было уже не остановить. Но, увы, сам в военном деле как полководец он оставался сущим дилетантом. И, более того, что лишний раз говорило о его уме, осознавал свою беспомощность в Марсовых делах. Но волею судьбы в разное время Александр Сергеевич назначался на крупные военные посты, например, начальником штаба всего Российского военного флота! Что ему, несомненно, льстило. Не то чтобы Меншиков втайне яростно завидовал тем многочисленным генералам и адмиралам, кто был талантливее его. Но опасался их и не доверял им – наверняка. В интересах князя было затягивать эту войну, не вступая в большую битву: на свой талант полководца он понадеялся не мог, предоставить кому-то из своих генералов стать героем – не хотел. Но самое худшее было проиграть генеральное сражение – которое приближалось неотвратимо! – и тем самым лишиться доверия императора, а значит, раз и навсегда потерять то значимое место при царском дворе, которое он, Меншиков, в силу фамилии и влияния занимал. А Николай Первый тем временем настаивал: писал из Петербурга письмо за письмом и требовал от своего главнокомандующего и фаворита решающей битвы. Буквально, как требовал этой битвы у Паскевича, но так и не дождался. Так пусть не на Балканах она случится, а в Крыму! Александр Сергеевич со все нарастающей нервозностью читал эти депеши. Ах,

легко это, волочась за дамами в столице, еще имея прыть соблазнить ту или иную фрейлину государыни, распоряжаться войсками, что стоят за тридевять земель!

Но ведь царю о том не скажешь...

А посему более тянуть кота за хвост было нельзя, тем паче что разведка донесла: англичане и французы готовятся к решающему штурму Севастополя. Этого стоило ожидать – зимовать союзникам на каменистых раздольях Крыма никак не хотелось. Оттого и стекались под командование князя все новые и новые полки, в том числе направленные сюда с Балкан от главнокомандующего – князя Горчакова.

Незапланированная битва при Балаклаве, где потерпела такое фиаско избранная бригада легкой кавалерии англичан, взбодрила князя Меншикова.

«А почему бы и нет? – неторопливо расхаживая по гостинной особняка, где когда-то жил богатый турок, позвякивая шпорами, раздумывал Меншиков. Гостинная стала кабинетом командующего. Сам князь Александр Сергеевич был высок, осанист в свои пятьдесят семь лет и голову склонял лишь перед царской фамилией. Все же остальные видели его высоко задранный и гладко выбритый подбородок. – Наконец, чем мы хуже англичан? – рассуждал он. – Да и французов чем хуже? Ну, винтовки у них хороши, верно. Лучше наших. И говорили о том царю-императору, он сам, князь Меншиков, и говорил, да все впустую!» «Ну так мы на своей земле, – отвечал Николай Первый. – А она силу русским богатырям ой как способна дать! Жаль только, воруют чиновники наши направо и налево. Вон, война началась, а пороха-то и нету. Где он? Все разворовали нехристи!». Так рассуждал император, князь же, выслушивая все это в Зимнем дворце, соглашался, потому что не согласиться было бы глупо.

Прав был государь, увы, прав!

Наконец князь Меншиков замер и стал хмуриться. Затем подошел к окну. «Только вот кого назначить командиром? – Князь хмурил и хмурил седеющие брови, глядя в окно. Там, во дворе, один из его ординарцев, капитан Мезенцев, все пытался совладать с гнедым английским рысаком, одним из пойманных казаками у Федюкиных гор, а конь все противился и мотал головой, то и дело вставал на дыбы и пытался задеть нового владельца копытом. Вспоминал, видать, прежнего своего хозяина, срезанного русской картечью! Отомстить хотел! – Так кого же?» – искренне донимал себя рассудительный Меншиков. Его полководец и умен должен быть, и умерен в гордыне; уважаем войсками, но не боготворим ими. Впрочем, если кого и возносили до небес русские солдаты в Крыму, так это двух командиров – адмиралов Нахимова и Корнилова. Последний не так давно геройски погиб на Малаховом кургане, первый был далеко – отстаивал Севастополь, и слава богу: лучшего защитника крепости и не пожелаешь. Популярный и опытный генерал Павел Липранди, рекомендованный ему, Меншикову, самим Николаем Первым, был чересчур решителен и бесстрашен, на его фоне сам командующий мог оказаться бледноват; генерал Петр Горчаков тоже не подходил на роль полководца – его родной брат был главнокомандующим всей южной русской армии, и перевес мог оказаться на их стороне. В тени Горчаковых оказаться ой как не хотелось! Боевые и опытные генералы Павлов и Соймонов, не слишком родовитые, но уважаемые солдатами, были крайне независимы, каждый командовал своим крупным соединением – один прикрывал Севастополь с юга, у Килен-балки, другой стоял у Инкермана, где сейчас накапливались основные силы. Глядя в окно, где гнедой рысак опрокинул-таки его адъютанта на землю и едва не затоптал его, князь Меншиков устало вздохнул: ни того, ни другого из генералов, все время находившихся в соревновании, нельзя было допускать до командования общими войсками: в душе ни тот, ни другой не захотел бы подчиниться товарищу! Да и каждому из них хватит грома пушек и оружейной пальбы на своем участке! Именно Павлова и Соймонова и надо было объединить, слепить одним началом, превратить в единый кулак.

Поскольку свою кандидатуру в роли полководца – грозы французов и англичан – князь Меншиков отмел сразу, ему стоило поторопиться с выбором. И тут его брови поползли вверх.

Данненберг! – вспомнил он. – Петр Андреевич Данненберг! Всего несколько дней назад по приказу главнокомандующего южной армией, Горчакова, он привел свои полки с Балкан сюда – в Крым. Звезд Петр Андреевич с неба не хватал, но командиром был заслуженным и серьезным. Исполнительным. Что и говорить – немец. Кровь! Сам он, Меншиков, Данненберга за то и терпеть не мог, но так это делу не помеха. Были, несомненно, были серьезные минусы в его назначении: Данненберг не знал Крыма, да и битву при Ольтенице год назад проиграл на Балканах. Правда, ходили слухи, что главнокомандующий Горчаков мог с полным правом разделить с ним это поражение, поскольку дал Данненбергу всего бригаду, а стоило дать дивизию. Но были и плюсы: никто из «крымских» генералов не станет ревновать к Данненбергу – он для них чужак. Варяг, одним словом.

Итак, Данненберг? Князь Меншиков ожил, даже гладко выбритые щеки его, уже увядающие, порозовели. Он потер руки, подошел к столу, слуг звать не стал – сам размеренно налил себе высокую хрустальную рюмку французского коньяку, вытянулся в струну, точно пил за здоровье царя-императора, и опрокинул ее одним залпом.

– Бр-р! – хрипловато сказал он. – Хорошо! Чертовски хорошо! – Отломил от жареной курицы, на которую еще полчаса назад и смотреть не хотел, румяную ножку, и с аппетитом, внезапно разгоревшимся – да что там, пожаром полоснувшим желудок! – впился в нее зубами.

Стало быть, Петр Андреевич, будь готов принять командование. Только вот диспозицию будущего сражения придется составить самому, трезво рассуждал князь Меншиков: это была его святая обязанность главнокомандующего. Да и местность, где он топтался месяцы подряд, толком ничего не предпринимая, знал он куда лучше новоприбывшего немца.

«А если, Петр Андреевич, ты и провалишь операцию, – чуть позже, уже позвав ординарца для услужения и заправляя салфетку за ворот, рассуждал сам с собой пресветлый князь, – что ж, тебе и отчет держать перед государем! Я не тактик, не вызывался быть им, я – администратор и присматривать за вами, сорви головами, назначен, а ты – военный до мозга костей. Тевтонец, Петр Андреевич, тевтонец без страха и упрека! Тебе и карты в руки».

2

В половине третьего ночи с 4 на 5 ноября 1854 года от развалин Инкермана выдвинулся пятнадцатитысячный отряд генерала Павлова. Ему должно было по ходу восстановить инкерманский мост через Черную речку, переправиться на другой берег и идти к подножию Сапун-горы – на соединение с генералом Соймоновым, который в свою очередь с восемнадцатитысячным отрядом в те же часы выходил из Севастополя в сторону Килен-балки. На длинном плато Сапун-горы, занимая выгоднейшую позицию, стояла вторая английская дивизия генерала Лэси Ивэнса в три с половиной тысячи бойцов. Это был самый край правого фланга союзников, дугой растянувших свои войска на семь-восемь миль от скалистых вершин Сапун-горы до Камышовой бухты, тем самым крепко заблокировав Севастополь с юго-запада. За дивизией Ивэнса на том же плато – справа налево – базировалась дивизия генерала Кэткарта, числившая четыре тысячи солдат, и уже в серьезном отдалении стояла третья дивизия генерала Инглэнда также в четыре тысячи бойцов. Напав на правый фланг союзных войск, русские надеялись отвлечь французов и англичан от решающего штурма Севастополя, заставить их отступить...

Последние дни, не переставая, лил дождь. Дороги развезло, раскисла глина, пушки тащить было сложно. Если бы не каменистая почва Крыма, совсем пришлось бы худо. Мучались лошади, а с ними и артиллерийская прислуга. Солдаты терпеливо шлепали по грязи, переговаривались негромко, почти шепотком: передислокация войск проходила в тайне. А потом, все знали, что под утро их ждет кровопролитная битва, все муки ада, из пламени которого живыми выйти сумеют далеко не все...

Пятнадцатитысячный отряд генерал-лейтенанта Павлова состоял из пяти полков: егерских Охотского, Селенгинского и Якутского, а также Бородинского и Тарутинского. Впереди продвигался Охотский полк, головным батальонам которого надо было отслеживать возможные разъезды противника. Но ни французов, ни англичан в эту ненастную ночь на размытых глинистых дорогах видно не было. Никто из союзников не ждал такой прыти от русских.

Штабс-капитан Охотского полка, замкомроты Петр Алабин и командир взвода поручик Павел Гриднев, сопровождая в седлах своих солдат, то и дело поглядывали на едущего поодаль генерала Петра Андреевича Данненберга, в наглухо застегнутой шинели, сейчас походившего на старого ворона, нахохлившегося и молчаливого.

– Отчего же он? – тихонько спросил Петр Алабин у товарища. – Да его и не любит никто!.. Почему не Соймонов, не Павлов? Не Липранди? Вот уж кто молодец!

Они хорошо знали Данненберга. Кто был при Ольтенице, его уже не забудет! Петра Андреевича и впрямь мало кто жаловал из офицеров, а из солдат – и тем более. Да кто ж кого спросит!

– Причуда судьбы, – пожал плечами Гриднев. – Поди их, пойми, генералов...

Полковник Дмитрий Сергеевич Бибилов, командир Охотского 43-го, проезжая мимо, уловил несколько реплик младших офицеров. Они поняли, что услышаны, разом смолкли, стушевались.

– Вот и я о том же, господа, – кивнул Бибилов. – Помалкивайте себе и не пытайте друг дружку тем, что вас никак не касается. Пресветлый князь решил – так тому и быть. И ни слова более! Вы – дворяне, и честь военная ваша в послушании старшему чину!

Бибилов поправил фуражку, прищипорил коня и поехал в перед. Было ясно, что это назначение и ему кажется по меньшей мере странным! Приказ так и звучал: «При отряде Павлова находится командиру 4-го пехотного корпуса, генералу от инфантерии Даннен-

бергу, которому, по соединении обоих отрядов, принять над ними начальство». Но генерал Данненберг и сам, кажется, не понимал, отчего ему оказана столь великая честь? Зато Михаил Горчаков с радостью отправил Меншикову нелюбимого им генерала.

К Алабину и Гридневу, чертыхаясь на размокшую дорогу, подъехал капитан Черенков. Он знал, о чем вот уже пару дней судачат его младшие офицеры, как и другие в отряде генерала Павлова!

– В штабе только и говорят, что наш главнокомандующий Меншиков, великий остряк, назначил битву на четвертое ноября! – Черенков, с трудом управляя конем, который все рвался под ним, усмехнулся. – Каково? Вам ли не знать, господа, равно как и мне, что это за денек-с!

На черной дороге, в блеске мутной осенней луны, змеей ползла армия Павлова, переругиваясь, чавкая сапогами в грязи, кое-где лихорадочно балагурия.

– Слышали про то, – оглянувшись на строй их роты, кивнул Гриднев. Резко покачал головой. – Едва верится!

– Нельзя ж так потешаться над человеком? – кивнул и Алабин. – Стыдно, господа офицеры, должно быть таким смехачам!

Это была еще одна жестокая шутка! Пресветлый князь Александр Меншиков назначил наступление на Сапун-гору именно на 4 ноября. Год назад в этот день Данненберг проиграл битву при Ольтенице! Но у Меншикова были свои резоны: именно 4 ноября 1612 года войска Минина и Пожарского выбили поляков из Москвы. А еще в этот день, но уже в 1815 году, состоялась помолвка будущего царя Николая Первого и прусской принцессы Шарлотты. Чем не дата? И тут какая-то Ольтеница! Суеверному немцу Данненбергу пришлось унижаться – просить Меншикова отложить сражение на день. Главнокомандующий смиловился: разрешил-таки!

– Но хоть пресветлый князь и согласился повременить с кровопролитием, – продолжал капитан Черенков, – говорят, в улыбке его еще никогда не было столько злорадства и яда. Это я, господа, слышал от нашего полковника Бибикова, а он от штабс-капитана Мухина, который все видит и все знает! Да еще в любимчиках у пресветлого. Так-то-с!

– Точно дети малые! – придерживая саблю, сказал Алабин. – За ними ж тысячи людей стоят!

– Да хоть сотни тысяч! – сплюнул в грязь его товарищ Гриднев. – Дослужишься до генерала, Петр, сам станешь комедию ломать. Уж поверь!

– Как бы не так! – возмутился молодой офицер. – Я – другой!

– Все мы другие, пока чином малы-с, – усмехнулся их старший товарищ, капитан Черенков. – Как в народе о том говорится? – Он вновь дернулся себя за рыжий ус. – Пока других возим – сердцем скромны-с, а как придет самим пора погонять, глядишь, и прочим страшны-с будем! – Капитан нагнулся, заговорил тише. – А Петра Андреевича, какой бы он ни был, мне все-таки жаль, господа. Не тот он человек, чтобы из него козла отпущения делать! У него достоинство есть – пулям не кланялся!

Но причуды судьбы, так похожие на явное издевательство над подчиненными, причем идущие с самого верха, только еще начинались. Князь Меншиков еще прежде посылал прошение в Петербург, в военное министерство, выслать ему топографическую карту этой части Крымского полуострова: от Севастополя на восток до развалин Инкермана, от Инкермана через всю долину Черной речки на юг до Федюкиных гор и Чоргуна, от него до Кадыккойя и Балаклавы, и далее по побережью вновь до Севастополя. Но, увы, военный министр князь Долгоруков, ненавидевший злого на язык князя Меншикова, терпевший от него еще в Петербурге, самым серьезным образом отписал главнокомандующему, что «подобная карта в стране единственная, оттого он выслать ее не может». И только после того как Николай Первый, внезапно прознавший об отказе, взорвавшийся бомбой, с пеной на губах заорал на

Долгорукова: «Ополоумел, князь?! Россию погубить желаешь?! Слуги государевы! – А следом в справедливом гневе едва и чувств не лишился. – Тати и лиходеи, прости господи!..» – карта была срочно отослана, но ко времени ей прийти было не суждено.

Накануне сражения Меншиков переехал из Чоргуна на высоты Инкермана, где неподалеку от развалин, на брошенной турками вилле, и расположился его штаб. В окрестностях стояли полки генерала Павлова и двенадцатитысячный «крымский» резерв. Само слово «Инкерман» было турецкого происхождения и означало «пещерная крепость». Много перевидало это место! Тут, где Черная речка впадала в Севастопольскую бухту, еще древние киммерийцы основали укрепления, затем пришлые эллины поставили крепость. Во времена Римской империи здесь открыли каменоломни – в конце первого века сам святой Климент, будущий папа римский, за веру был сослан сюда работать киркой и лопатой. Первые христиане, укрываясь от своих гонителей, на веревках поднимались на недоступную высоту и выдалбливали в скалах гнезда. Так рождались на полуострове первые горные монастыри. Возможно, именно тогда и возник на одной из скал знаменитый крест с надписью по-гречески: «Сей крест вырастает в отводок смоковницы Божьей и жнецы не искоренят его корней». Жнецами были гонители христиан. Надпись образно и красноречиво утверждала несокрушимость Церкви Христовой. В бытность Византийской империи крепость, названная Каламита, стала крупным оплотом на Таврическом полуострове, а в позднем Средневековье, когда турки захватили Константинополь, Каламита, еще более укрепленная, принадлежала княжеству Феодоро. Но христианский век ее на тот момент подходил к концу – в 1475 году османы, с кровавым триумфом шедшие по землям Причерноморья и Азова, приступом захватили крепость. Три века она принадлежала крымским татарам и туркам, пока русские не выбили захватчиков из этих святых мест, где выросло столько монастырей, где церковные фасады становились всего лишь фасадами скал и пронизывающих камень пещер. А вот турецкое название «Инкерман» так и осталось, приросло, вошло в обиход русского языка, стало привычным для новых хозяев...

Именно тут, накануне битвы, главнокомандующий крымской армией князь Меншиков и разрабатывал «на скорую руку» диспозицию войск. И отсюда он разослал ее своим генералам. Вкратце диспозиция была такова: 5 ноября генерал-лейтенант Соймонов со своими войсками идет от Севастополя к Килен-балке и оттуда в шесть часов утра начинает наступление на Сапун-гору; генерал-лейтенант Павлов, при войске которого должен находиться генерал от инфантерии Данненберг, в те же часы должен перейти по восстановленному Инкерманскому мосту и, встретившись с Соймоновым у подножия Сапун-горы, в паре с ним напасть на англичан; генерал от инфантерии Петр Горчаков, командовавший двенадцатитысячным отрядом, стоявшим у Чоргуна, а значит, в тылу у союзников, должен, дословно, «содействовать общему наступлению, отвлекая собою силы неприятеля и стараясь овладеть одним из подъемов на Сапун-гору». Генерал-майору Тимофееву, защитнику Севастополя, с пятитысячным отрядом и артиллерией быть в полной готовности, дабы в нужный момент сделать вылазку из шестого городского бастиона и напасть на союзников (которые уже будут атакованы с двух сторон) с севера, от Карантинной балки. Разбить союзников наголову князь Меншиков и не мечтал. Но коли фортуна окажется к русским милостива, можно было надеяться, что правый фланг союзников, изрядно растянувших свои войска, будет смят, что русские смогут укрепиться на Сапун-горе и далее станут грозить тем англичанам и французам, что окружили Севастополь. Тем самым дальнейшая осада города-крепости станет невозможна и в самое ближайшее время будет снята.

В пять утра, когда было еще темным-темно, первые батальоны генерала Павлова по размытой дождями дороге подошли к инкерманскому мосту. Но тут всех ожидало горькое разочарование. Навстречу громаде войска, черной тучей на фоне ночного неба подступив-

шей к Черной речке, вырвался из строительного люда офицер. Он жадно рассматривал того, к кому надо было обратиться. Вперед, в окружении адъютантов, выехал генерал Павлов.

– Лейтенант Тверитинов! – лихорадочно отчеканил он. – Ваше благородие, мосток уж больно трудный! Подходы плохие! – Он не отнимал руки от фуражки. – Раньше стоило нас выслать на ремонт, часика на два раньше! А то и на три, ваше благородие...

Павлов слушал его вполуха – он глазам своим не верил. А вперед уже выезжали другие старшие офицеры. По рядам неслись голоса командиров Охотского полка: «Пятая рота!.. Шестая рота!.. На месте – стой! Раз, два!»

В сумраке, на ближнем холме, Петр Алабин разглядел трех всадников – они держались осанисто и важно. В шинелях, фуражках. Чуть позади на лошадях кучились адъютанты. Что за генералы?..

– Знаете, кто это? – подъехав к Алабину и Гридневу, спросил капитан Черенков. – Трое на холме?

– Данненберг? – ответил вопросом на вопрос Павел Гриднев.

– Верно, а кто с ним?

– А ведь я знаю, – живо кивнул Алабин. – Их величества?

– Ну, до величества им еще дожить надо. Их высочества наследник престола Александр Николаевич и великий князь Николай Николаевич. Недавно прибыли и решили лично проследить за ходом битвы. Так-то-с! Так что нам в ближайшие часы, друзья мои, в грязь лицом ударить никак нельзя! А ведь близится оно, близится! Сколько раз бился, саблей махал, и все дух перехватывает!

А с мостом выходило худо – завязла вся армия на этом берегу Черной речки! Ломался весь план передвижения войск, а следовательно, и намеченный ход будущей битвы. Гроза точно пошла по берегу, вдоль темной спокойной воды. Это было видно и по настроению генерала Павлова, и по тому, как засуетились офицеры его штаба. Трое всадников на холме тоже оживились. Один из них оторвался и поскакал вниз. Сюда, к обрывистому берегу, и направил своего коня генерал Данненберг. Все притихли. Только стучали топоры, и те вскоре смолкли. Матросы-ремонтники смотрели на подошедшее войско. Тянули головы в сторону реки и младшие офицеры – командиры взводов. Петр Алабин и Павел Гриднев также всматривались в темноту.

– Святые угодники! – весело воскликнул их старший товарищ – командир роты Алексей Черенков. – Вот сейчас, господа, война и начнется! Только не с англичанами и французами, а иная! Генералитет супротив взвода матросов! – Он привычно дернул себя за рыжеватый ус. – Прямо-таки сию же минуту-с! – И, бросив это, направил своего коня в сторону головы войска. – Не упущу-с аттракциона!..

Мост, стратегическое значение которого переоценить было невозможно, собран не был. Черная речка не принимала русских солдат!

– Да что же вы, лейтенант!.. – сжав зубы, в гневе прорычал Павлов. – Да я вас под трибунал отдам! Расстреляю, к чертовой матери!

Но морской офицер Тверитинов, готовый расплакаться от отчаяния и несправедливого обвинения, набрался смелости и заступился за себя и своих матросов:

– Мы же рук не покладая, ваше высокоблагородие! Нас отрядили, так кто ж виноват, что мост плохой совсем? Мы же не ангелы, чтобы Святым Духом его строить! У нас же только руки, топоры и молотки! И ничего более, ваше высокоблагородие, сами рассудите!..

Генерал Павлов остыл так же стремительно, как и загорелся. Что было толку обвинять этого офицера, от которого мало что зависело, во всех грехах? Ему приказали – он отправился выполнять. А работы больше оказалось. Вот те, кто работу недооценили, их бы под трибунал! Да кто ж сейчас за пару часов до боя разбираться будет?

– Почему мост не готов? – поравнявшись с Павловым, спросил Данненберг. Устремил холодный взгляд на вытянувшегося перед ними трепетавшего морского офицера. – Это нарушает все мои планы, генерал...

– Наши планы, ваше сиятельство, – поправил его Павлов. – Так прежде надо было начинать. Днем строить нельзя – враг подглядит, все поймет, приготовится. Стало быть, предыдущей ночью стоило послать сюда моряков. Не послали. Теперь ждать придется...

Тверитинов, так и не отнимая руки от фуражки, слушал двух генералов и был готов к худшему.

– Вот что, лейтенант, – бросил ему Павлов, с которого гнев схлынул окончательно, а холодный разум стратега во всем взял верх. – Работать так, точно Божий храм от пожара спасаете. В три силы. В десять! Ясно?

– Так точно-с!

– Люди нужны?

– Не откажусь, ваше благородие!

– Бери, сколько нужно. Бревнышки таскать легко и скоро, как с голодухи жен любимых до постели! – Он кивнул. – С богом, лейтенант! – Павлов обернулся к главнокомандующему: – Я, Петр Андреевич, с вашего позволения войска осмотрю. Кто поотстал, кто увяз. – Генерал-лейтенант с горечью покачал головой. – Времечко есть: тут и за час не управиться!

Павлов повернул своего коня и оставил нахохлившегося Данненберга и его адъютантов рассматривать обрывистые берега и ломаную линию Черной речки, уходящей через каменистую землю Крыма к главной Севастопольской бухте и дальше – к морю.

– Гляди-ка, куда это он? – кивнул Павел Гриднев на проскакавшего мимо генерала Павлова в окружении своих адъютантов. – Неужто назад пойдем, до развалин, а?

– Видать, застряли мы, – кивнул Петр Алабин. – Ждать будем...

– Да еще как застряли, господа! Крепко застряли! – услышав их, уже подъезжая, усмехнулся капитан Черенков. – Нет переправы для нас! Нет мосточка-с! Только вплавь!

Солдаты роты прислушивались к своему командиру, смелея, улыбались.

– Но его сиятельство войну не открыли-с, – усмехнулся неунывающий ротный, который шутил и под пулями. – Смиловитивились! Пригодится порох еще!

Его бодрый холерический нрав во многих вселял надежду: мол, все обойдется! Ядра, картечь и пули уйдут стороной, пройдет мимо вражеский штык! Будем жить, будем!

– Рота, вольно! – скомандовал Черенков сотне своих бойцов. – Прикажите солдатам разойтись, господа офицеры! Пусть на камешках посидят – еще находятся нынче!

Алабин и Гриднев оживленно кивнули.

– Разойдись! – уже командовали младшие офицеры своим солдатам, разбивая строй.

А впереди, у Черной речки, с новой силой застучали топоры моряков. Солдаты из стрелковых рот, под надзором своих офицеров, отложили винтовки и с матерком вцепились в бревна. Бешено кричал, бегая среди работающих, морской лейтенант Тверитинов. Ничего не упускал он из виду, во все вникал, не щадил своих рук, если было надо. Второй раз командиры не помилуют!

3

Случайному путнику могло показаться, что Севастополь, главный оплот русских на Таврическом полуострове, крепко уснул в эти часы после долгих мытарств предыдущих месяцев. Но это было не так. Окруженный на западных границах врагом, до рассвета спавшим, изрядно потрепанный бомбежками, город даже не дремал – кипел! На огне пусть и медленном, но верном. Чтобы не выдать себя – обмануть неприятеля!

Три часа назад из Севастополя начали выходить русские полки. Тысяча за тысячей. Шли тихо. Без шуток и песен, разве что с забористым матерком, произносимым в полголоса. Солдаты выходили в ночь, в туман и темень – и там исчезали...

Войском командовал генерал-лейтенант Федор Иванович Соймонов. Он был одним из тех русских служак высшего состава армии, на которой эта армия и держалась. Выходец из простых поместных дворян, он не имел возможности рассчитывать на продвижение по службе в силу высокого происхождения. Оттого Федор Иванович всего добивался острым офицерским клинком, стратегическим мышлением, личной храбростью. Больше всего он жалел, что родился поздно для Отечественной войны 1812 года. Когда русские и французы вышли на Бородинское поле – биться не на жизнь, а на смерть, – ему было всего двенадцать лет! Три-четыре годика не дотянул! Зато в тридцать один год он уже командовал полком, в тридцать восемь стал генерал-майором, в пятьдесят один – дивизионным генералом.

Крымскую войну Федор Соймонов встретил Георгиевским кавалером, командиром 10-й пехотной дивизии, в которую на день Инкерманского сражения входили Томский, Колыванский, Екатеринбургский полки, стрелковые батальоны и артиллерийские наряды. Именно их в ночь с 4 на 5 ноября он и вывел из второго бастиона Севастополя и стал собирать за городом у Графской пристани. Чуть ранее основные силы находящихся в крепости защитников адмирал Нахимов поставил у четвертого бастиона – именно здесь по данным разведки союзники готовили прорвать оборону.

Генерал Соймонов хотел поквитаться и с французами, и с англичанами. С одними – за поруганную когда-то родину, с другими – за подлость и предательство. Не могли христиане связаться с турками против других христиан, никак не могли! Басурмане они после этого – одно слово! Нехристи.

Только что полкам, первым вышедшим из крепости и теперь ожидавшим своих товарищей, дали команду вольно. Солдаты торопливо скручивали свои сигарки, понимая, что через версту, когда они окажутся на балочном плато, никому уже курить не позволят. Выдадут себя огоньки! Предадут в руки проклятым англичанам! Да и шагать придется торопливо – до рассвета успеть еще надо! Знали солдаты и другое: для многих нынче это – последняя сигарка в их жизни! Поэтому курили с трепетом, жадностью, с великой тоской в сердце.

Рота за ротой, собираясь у Графской пристани, возбужденные близкой битвой, солдаты и офицеры восемнадцатитысячного отряда генерала Соймонова волновались. Впереди – марш-бросок, кровавая бойня. Не то чтобы всем так отчаянно хотелось драться, хотя многие и рвались в битву, особенно молодые дворяне! Большинство шли на заклание волею судьбы. Высшей волею! И мало чем отличались в этот предрассветный час господа офицеры от простых крепостных солдат – пушечного мяса любой войны. Судьба, хоть и разная, но всех влекла в один закипающий котел. Офицеры шли на смерть за честь русского мундира, потому что не представляли себе иной судьбы, рядовые – за царя и Русь-матушку. Для того их вырвали из сел и деревень еще молодыми – для большинства на всю оставшуюся жизнь. В этом была их крепостная судьба. Все эти тысячи русских людей не имели над собой никакого права и воли – их жизнями распорядились, а они свыклись с мыслью, что так оно и

нужно, что нет ничего над ними, кроме воли Божьей и царской. И господской, разумеется. Но и сами господа – слуги и холопы царицы. Одно слово: единая судьба – для всех!

– Нам куда скажут, туда и идтить! – прислонив к груди винтовку, тихонько рассмеялся невысокий рядовой Томского полка Иван Журавлев другим солдатам. Всех укрывала покуда черноморская предрассветная темень. После проливного ночного дождя было сыро и холодно. Осень и здесь, на юге России, потихоньку брала свое. Иван полез в карман за табаком и бумагой. – А ты радуйся, Гаврила, – обратился он к смурому товарищу, – самому думку думать не надо, сердце рвать. – Иван встряхнул плечами. – А зачем? Дали команду: принимай смертушку и шагай себе вперед с удовольствием!

– Тьфу на тебя! – сплюнул Гаврила – настоящий гигант. Родом он был из Коломны и полностью оправдывал свое прозвище «верста коломенская». Так его и прозвали рядовые сослуживцы, «верстой» он и мерил версты нелегкой солдатской службы. – Подрезать бы язык твой, Ванька, ополовинить бы! Нашел время шутковать, дурачина!

Иван Журавлев, тихонько скалясь, положил на ладонь бумагу, старательно рассыпал по ней табак. Многие служивые, только что выкатившись из крепости, тоже крутили свои сигарки, закуривали. И ждали нового выпада языкастого сослуживца.

– А ты подрежь, – беззаботно пожал плечами Иван, – ополовинь, родной человек. Мне так радостнее будет! Молчание оно ведь что? – Он внимательно оглядел слушавших их диалог солдат, – золото, Гаврила, золото! А я все бедняком-оборванцем хожу. В одном кармане дыра с орех, в другом – мышь с голоду подыхает. – Он скрутил сигарку, ловко облизал край бумаги, слепил ее. – Кому я такой нужен? А коли язык отрежут – сразу разбогатею! А как иначе? В парчу и золото оденусь. – Журавлев чиркнул спичкой, прикурил, сладко затянулся. – Стеньку, милую мою, у Порфирия Пантелеймоновича Кудрявцева, соседа барина нашего, выкуплю. Приду к нему, промычу: здрасьте, мол! Вот вам золотишко, Порфирий Пантелеймонович, а вы мне девку-то мою возверните. Ее наш барин-то спьяну вам за пять рублей продал. Карты все да вино тому виной! Хотя я ползал перед ним на коленках, говорил, отдайте меня в солдаты, да хоть на всю жизнь отдайте, Стеньку только возверните в отчий дом. А он, барин-то мой, мне: поздно, братец! Слов назад не беру! Долг карточный – свое великое право имеет над человеком. Да и приглянулась она соседу моему Порфирию, ох приглянулась! Так вот, Порфирий Пантелеймонович, золотишко я вам принес! – за вечное молчание мое, за язык мой усеченный куплено! Мно-ого злата принес!

– А поймет он? – спросил кто-то из строя. – Твой Порфирий-то? Коли мычать будешь?

– Да я так мычать буду, что все поймет! – раскуривая сигарку, усмехнулся Иван Журавлев. – Как медведь с голодухи реветь стану! Жалобно реветь! – он потряс указательным пальцем. – И грозно!

Унтер-офицер Ступнев, уже немолодой, с седыми бачками, проходил вдоль строя. Услышав краем уха солдатский разговор, постоял, послушал, пока на него-то не смотрели. Наконец окрикнул говоруна:

– Журавлев, разговорчики в строю!

– Так точно-с, ваше благородие, разговорчики! – хватая винтовку и пряча сигарку за спину, подтянулся солдат.

– Поунялся бы ты лучше, Журавлев, – Ступнев доверительно понизил голос. – Для тебя и впрямь: молчание-то – золото. Поуйми пыл, солдатик, для англичан его ставь!

– Так моего пыла и на англичан хватит, господин поручик, и на французов с турками! Да еще как хватит! Ей-ей!

– Ты усек, что говорю, или дальше трепать будешь?! – грозно и раздраженно спросил Ступнев. – А?!

– Усек, ваше благородие! Так точно-с! – сразу исправился Иван, но своим подмигнул. – Даже коли ранят, молчать буду-с!

– Вот и хорошо, Журавлев, – кивнул унтер-офицер Ступнев. – Вот и молчи! – Он оглядел свой второй взвод. – Молитесь, братцы, лучше, а не языками трепите: глядишь, все помощь будет! – и размеренно двинулся дальше.

Битва предстояла грозной и кровопролитной, и столько смертей ясно грезилося впереди, что офицеры, тем паче – младшие, не желали выставлять счета своим солдатам за малые дерзости. И солдаты не больно-то осторожничали, не боялись острословить! И те, и другие знали: скоро все окажутся равными перед английской картечью, только Господь и будет тем единственным, кто выставит им счет: настоящий, главный, последний! И выставит уже скоро...

– Был у нас на селе один старичок – он прежде и с турками воевал, и с французами, и вновь с турками, – когда Ступнев поспешно направился к ротному, собиравшему младших офицеров, заговорил Иван Журавлев. – Оба глаза ему в боях выжгло. Добрый был, подаванием кормился. Кузьмой Иванычем звали. Учителем был у нас, ребятишек. Вот, бывало, он возьмет и спросит у тех, кто и сам на войне хлебнул лиха: «А знаете, солдатики, как можно все войны на свете остановить?» Вопрос? – Журавлев поглядел, и с хитрецей, именно на своего товарища. – А, Гаврила, хошь узнать?

– А хочу, – с вызовом ответил здоровяк. – Давай, пустомеля, лопочи!

Большинство солдат с любопытством смотрели на Ивана Журавлева.

– Так я за Кузьму Иваныча, – продолжал Журавлев, раскуривая таявшую сигарку. – За него скажу. Вот, Гаврила, оторвет тебе нынче руку – правую, разумеется...

Все наострили слух – обещалась новая перепалка!

– Отчего ж это правую? – насупился Гаврила Прошин. – Чего ж не левую-то?

– Да вот решил я так: правую – и все тут! Ты ж правша? – что б жалче тебя было!

Кто-то хохотнул, Журавлева это только раззадорило – он морщился от дыма и улыбался.

– И голову оторвет, – добавил Иван уже под общий смех, – и придешь ты к престолу Господа нашего ополовиненным. С головой в левой руке, с правой – под мышкой...

– Ишь ты! – зло возмутился Гаврила. – Как бы тебе нынче самому чего не оторвало!

– Придешь, – уже прокурив две трети сигарки, продолжал Журавлев, – припадешь на колени и станешь ждать участи своей. А очередь будет большо-ой! Войны-то по всей земле идут! Все ж воюют! Дойдет твоя очередь. А глаза-то у тебя, Гаврила, и у живого – печальные! И вот тогда заморгаешь ты перед Господом, ну, голова твоя, в смысле, что в руке-то зажата, задрожат губы, а из глаз-то, хоть из одного, слеза и покатится. От горя великого, что не пожил ты по-человечески, что забрали тебя в солдаты еще юнцом, что не было у тебя бабы любимой, а только девки продажные, что деток ты не нажил, что мать-старуху уже больше никогда не увидишь, что грамоте не обучен и даже написать ей весточку не сможешь. Все поймешь разом! Увидит тебя Господь, стоящего перед ним на коленях, обезглавленного, с одной рукой, и тоже все поймет. И тогда все грехи людям простит и скажет: «Тебе, Гаврила, спасибо! Не быть больше войнам на земле, всем жить в мире и согласии. Да будет так! Аминь!». – Иван Журавлев докуривал сигарку. – Вот такой нам всем привет от Кузьмы Иваныча.

Никто уже не смеялся, разве что хмуро улыбались, вцепившись в ружья и потупив взгляды. Опалив пальцы и поморщась, Иван затушил крохотный сплюснутый окурочек, опустил в карман.

– Махорку с окурочка сберегу, – сказал он. – Вдруг еще пригодится? Хотя вряд ли! – махнул рукой солдат. – Пожили-подымили – надо и честь знать!

Хотел еще что-то сказать, но по рядам понеслось громогласное: «Кончай перекур! Стррройся!». Ротные и младшие офицеры, придерживая сабли, уже забегали в темноте по рядам своих подразделений, зорко оглядывая суетливо оживавшие шеренги.

– Вот, Гаврила, и сказке конец! – прихватив винтовку, только и сказал Иван Журавлев. – Теперича прямехонько в рай! Усом к усу, штык к штыку!

Товарищ его промолчал – не ответил.

– Генерал наш! – через пять минут понеслось по рядам. – Генерал! Выступаем, стало быть!

Мимо Томского полка через мгlistую ночь проскакал генерал Соймонов с офицерами штаба и ординарцами. Спустя пару минут, вырвавшись из своих подразделений, к нему присоединились командиры полков.

– Идти тихо, господа офицеры! – лично объезжая боевой состав, давал наставления Федор Соймонов своим полковникам. – Никакой брани! Услышу хохот – накажу, так и знайте! Идем вдоль Килен-балки, переходим по Кабаньей тропе на ту сторону, ну а там – тише воды, ниже травы! Следить за солдатами! Любой окрик расценю как предательство кампании! Лично эполеты сорву! Через пять минут – в путь!

Севастополь считался городом-бухтой, Богом созданным для мореплавателей всех времен. Тут держали свои судна древние киммерийцы, затем – греки, позже – турки. Изрытый глубокими бухтами берег так и зазывал корабли для отдыха, зимовки, ремонта. Тут князь Потемкин и основал город-порт, город-крепость, за что получил почетное прозвище Таврический. У каждой бухты было свое назначение. В Севастопольской, самой главной, идущей к развалинам Инкермана, как и в Южной бухте, второй по величине, зимовал военный флот; в Корабельной разгружались торговые суда; у Куриной бухты выросли хлебные склады; в Инженерной и Карантинной суда подолгу чинили. А вот в Килен-бухте еще во времена Потемкина чистили от ракушек, водорослей и прочих наростов днища судов, и в первую очередь их кили. Оттого и называлась она – Килен-бухтой. Но если подходы для кораблей в Севастополе были особо выгодными, то берег оставлял желать лучшего. И все потому, что каждая из бухт, вырвав из северо-западного побережья Крыма свой лоскуток земли, имела продолжение в виде балки – глубокого оврага, настоящего шрама, который тянулся на версту, а то и более в глубь суши. Одним из таких глубоких и продолжительных оврагов и была Килен-балка, которую предстояло перейти генералу Соймонову в самом удобном месте, по Кабаньей тропе, в полутора верстах от Севастополя, иначе говоря, точно в середине между городом-крепостью и позициями англичан на Сапун-горе.

В шесть часов утра, когда отряд на три четверти перебрался на другую сторону Килен-балки, к генералу подлетел вестовой командующего. Неподалеку остановилось и сопровождение – с десяток матерых казаков в тяжелых шапках, при саблях, во главе с хорунжим. Надежная охрана!

– Ваше превосходительство, срочное донесение! – отрапортовал вестовой. – Диспозиция от его светлости генерала Данненберга!

– Диспозиция? – принимая документ, удивился Соймонов. – За час до битвы?..

Генерал сорвал печать и стал читать, но его адъютанты и штабисты, следовавшие за командиром, сразу отметили, как тот стал меняться в лице – нахмурился, посуровел.

– Да что же там, Федор Иванович? – спросил ехавший рядом генерал-майор Андрей Вильбоа.

Генерал остановил коня, поднял руку. Его примеру последовали и другие офицеры. Пошла перекличка – первая колонна отряда сбавляла темп движения.

– Вот тебе и весточка, – покачал головой Соймонов. – Согласен я с Петром Аркадьевичем, да отчего ж так поздно? – он взглянул на вестового Данненберга. – Отчего?!

– Не могу знать! – выпалил вестовой. – Лошадей не жалели, – бойко говорил тот. – Получили пакет, ваше превосходительство, и тотчас к вам! Прямиком из ставки!

– Опоздал ты, голубчик из ставки, – разочарованно покачал головой Федор Иванович и обратился к Вильбоа. – Вот послушай, любезный Андрей Арсеньевич. «Генерал-лейтенанту Соймонову. Имею все основания пожелать изменить диспозицию главнокомандующего пресветлого князя Меншикова и приказываю не переходить Килен-балку, а идти по правой стороне на противника. Полагаю также полезным иметь за правым флангом вашим главные резервы вверенных вам войск, ибо левый фланг их будет совершенно обеспечен оврагом Килен-балки и содействием войск генерал-лейтенанта Павлова, которые переправятся через Черную речку. Предписываю начинать военные действия часом ранее назначенного времени, а именно в 5 часов, чтобы менее подвергаться огню английских осадных батарей в начале движения. Генерал от инфантерии Данненберг».

– Да-а, – выдохнул Вильбоа. – Воистину – дела!

И впрямь «голубчик из ставки» опоздал. Было поздно: большая часть отряда Соймонова уже перешла Килен-балку. На возвращение и следование новым инструкциям времени никак не оставалось!

– А жаль, Андрей Арсеньевич, ох как жаль! – Соймонов вновь разочарованно покачал головой. – А то ведь будем еще толкаться с Павловым между Черной речкой и Килен-балкой, тереться друг о друга боками, пока англичане лупить по нам картечью станут. Да что толку теперь мучиться! Будем следовать первоначальному плану – Петру Андреевичу Данненбергу стоило быть расторопнее! Отправляйтесь, капитан, в ставку, – обернулся он к вестовому, – и скажите: поздно. Теперь, если поползем обратно через овраг, с рассветом будем перед англичанами как на ладони. Встретим осеннее солнышко как раз под огнем батарей генерала Бентинка – он ближе всех к выбранному Данненбергом коридору. С Павловым некому будет объединяться – на подступах к Сапун-горе все и поляжем. Езжайте, капитан, поторопитесь!

Вестовой козырнул, махнул рукой казакам, и вскоре их отряд поглотила сырая крымская ночь. Все еще стояло тепло, хоть давно вступила в свои права осень, и утро обещало быть туманным...

...Спустя два часа, в начале шестого, восемнадцатитысячный отряд генерала Федора Соймонова был на расстоянии мили от позиций англичан. Русские двигались осторожно через вязкий приморский туман. Солдаты второй роты Томского полка, как и другие, шли, затаив дыхание. Глядели под ноги, чтобы лишний раз веточка не хрустнула! Эта спасительная пелена и таявшая ночь были их главными защитниками, их надеждой. Лошадям артиллерии перевязали морды и те недовольно раздували ноздри, но терпели. Ржание тотчас выдаст, продаст врагу с потрохами! Но шли тяжело, вязко. Размокла глина от проливного ночного дождя. Хлюпанье и шлепанье только и разносилось. И шепоток – тесный, сжатый, гулкий. От шеренги к шеренге, от полка к полку. Но большинство молчало. Впереди – великий труд.

– Что, шутник, отпала охота шутить? – тихонько спросил Гаврила Мошкин у Ивана Журавлева. – Скукожился, а?

– Отчего ж отпала-то? – ответил тот вопросом на вопрос. – Отчего ж скукожился? – Говорил он шепотком. – Нельзя, господин рядовой, шутить в этот ранний час! Никак нельзя! Боюсь, выташат из строя, назад, в Севастополь, на гауптвахту отправят. Придется баланду лопать да тараканов не стенке считать. Вот радость! – Он подмигнул ближним солдатам, физиономии которых уже вовсю расплывались. – А я с вами хочу! И на кого я тебя оставляю, а, Мошкин? Я ж без тебя затоскую!

Скрипели колеса повозок и пушек, чавкали в грязи солдатские сапоги и конские копыта. Но шепоток то и дело переползал от одного ряда к другому, возвращался вновь. Кто-то хохотнет, другой – тоненько себе одному затянет песню. Офицеры сдерживали коней – те точно чувствовали близкую беду! Федор Соймонов зорко оглядывал все вокруг, ничего не

упускал. За серой завесой русским уже грозили по фронту пока еще невидимые, но уже близкие пушки Лэси Ивэнса; артиллерия дивизии Бентинка по правому флангу – слава богу! – оставалась все дальше. Но рассвет, застигни он нападавших на середине пути, все равно оказался бы губительным! Кряхтя, солдаты из артиллерийских нарядов выправляли пушки, торопились не отстать от стрелков. Нападение должно было стать внезапным, ошеломляющим, громоподобным.

– Что с вами, Федор Иванович? – удерживая коня вровень с конем командира, заботливо спросил у генерала начальник штаба Вильбоа. Он постарался улыбнуться как можно веселее. – Мрачный вы нынче...

– Как тут не быть мрачным, Андрей Арсеньевич, – покачал головой Соймонов. – Диспозицию Данненберга мы отвергли – так теперь все от нас зависит! А где Павлов? Прокофию Яковлевичу уже следовало подойти от Инкермана. Да и сам генерал Данненберг, наш знаменитый полководец, где? А ведь ему должно было взять командование в свои руки: распорядиться нашими жизнями, стало быть. А так что же получается? – за саркастическим тоном Соймонова скрывалось истинное негодование и непонимание одновременно. – У пресветлого князя Меншикова своя диспозиция, у Данненберга – своя. И у меня, коли пошла такая пляска, должен быть свой план сражения, – нет, скажете? Может, теперь и каждому полку свою диспозицию придумать? Так как тут не быть мрачным, я вас спрашиваю? А рассвет поджигает, Андрей Арсеньевич, еще полчаса – и как на ладони окажемся перед Лэси Ивэнсом! Берите нас, кушайте с потрохами, ваши мы!

– Стало быть, атаковать самим? – нахмурился начальник штаба.

– Именно так, голубчик, именно так. – Соймонов оглядел двигавшуюся в тумане армию: тысячи солдат, которым уже скоро предстояло чудовищное испытание на подступах к Сапун-горе, а с ними утомленных лошадей артиллерии и ползущие за ними пушки. – Мы стоять и ждать никак не можем. Никак! – Генерал неожиданно грозно кивнул он. – Атаковать, и немедленно! Никого ждать не будем!

Еще через четверть мили, когда заметно посветлело, а туман стал еще более зыбким, вокруг Соймонова уже сидели на похрапывающих лошадях генералы и полковники – командиры его подразделений.

– В первой линии, по центру, четыре батальона в ротных колоннах, – тихо, но грозно скомандовал генерал-лейтенант. – По центру – двадцать два орудия из десятой и шестнадцатой бригады. Бить по артиллерии противника прицельно – не дать англичанам пристреляться! И снаряды беречь. Во второй линии по центру четыре батальона в колоннах. Идти, не кучась: так больше дойдет до редутов. Ничего не перепутайте, господа: времени на перемещение не будет. – Весь этот путь до редутов Лэси Ивэнса генерал Соймонов только и думал, каким боевым порядком ему подойти к противнику. Павлова не было! Предыдущие диспозиции Меншикова и Данненберга летели к черту. В этом тумане, который вот-вот рассеется, оставалось рассчитывать только на свой полководческий опыт. – Соймонов серьезно оглядел своих командиров и продолжал. – Стрелковой цепи из двух рот шестого стрелкового батальона прикрывать нападающих. Томский полк вывести на правый фланг, идти редкими колоннами, так меньше поляжет, Колыванский – на левый, в том же порядке. Екатеринбургский, как и был, оставить в резерве. Кто еще знает, когда подойдет Павлов? Готовьтесь к атаке, господа. Да поможет нам Бог!

4

Едва стало светать, на одном из отрогов Сапун-горы появился статный английский офицер в окружении немногочисленной свиты. Английские сторожевые видели его тут каждое утро. Солдаты в черных шапках тотчас же вытягивались по струнке, прижимая к себе ладные ружья и стряхивая сон, мигом – хочешь не хочешь! – обретая бодрый вид. Этим впередсмотрящим был бригадный генерал Кадрингтон. Молчком он доезжал до края своих позиций и зорко оглядывал местность: Севастополь – слева, Килен-балку – прямо перед собой, и часть Сапун-горы – справа, где стояло соединение его старшего товарища по оружию – вторая дивизия Лэси Ивэнса. Кадрингтон знал, что сам дивизионный генерал лежит сейчас в лазарете, а его замещает бригадный генерал Пеннифазер. Утро 5 ноября было чрезвычайно тихим, туманным. Все тонуло в сизоватой зыбкой мгле, поднимавшейся от земли. Казалось, даже слова вязли на языке. Только серые отроги Сапун-горы четко выходили из тяжелого тумана, да еще далекие строения Севастополя читались на фоне едва светлеющего неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.